

*«Пока мы
помним -
мы живем...»*

Дневники памяти
жителей блокадного
Ленинграда

к 75-летию снятия блокады

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,11
П48

Проект реализуется при поддержке Правительства Вологодской области

П48 «Пока мы помним — мы живем...»

Череповец: ИД «Порт-Апрель», 2018 — с160: ил.

ISBN 978-5-6042107-2-7

В книге представлены воспоминания детей-блокадников, спасшихся в эвакуации, в том числе — в маленьком вологодском городе Череповце. Предназначена для широкой аудитории читателей.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,11

ISBN 978-5-6042107-2-7

© Г.В.Сидоренко, 2018

© ООО Издательский дом

«Порт-Апрель», 2018

© Оформление ООО Издательский дом

«Порт-Апрель», 2018

«Пока мы помним — мы живем...»

Дневники памяти
жителей блокадного Ленинграда

Череповец
Издательский дом «Порт-Апрель»
2018

Уважаемые ветераны!

Сердечно приветствую выход в свет книги к юбилею снятия блокады Ленинграда.

75 лет назад закончилась одна из важнейших и сложнейших операций Советской Армии, в результате которой была прорвана блокада Ленинграда, продолжавшаяся 900 дней. Эти дни стали символом стойкости, мужества и несгибаемой воли к победе. На помощь осажденному городу пришла вся страна. Не остался в стороне и Череповец. В городе был развернут эвакуационный пункт, работники которого принимали беженцев, оказывали им помощь. За годы войны через Череповец прошли более 2 миллионов эвакуированных граждан. Череповец предоставил 40 зданий для размещения в них госпиталей.

Уверена, что подвиг жителей Ленинграда, воинов, тружеников тыла должен остаться в памяти будущих поколений. Наш священный долг — никогда не забывать о жестоких уроках истории, сделать все возможное, чтобы эти страшные дни не повторились.

Мэр города Череповца
Е.О. Авдеева

Сохранить историческую память означает сделать множество небольших дел, выполнить кропотливую работу, которая порой бывает незаметна. Без сохранения исторической памяти человек просто обезличивается.

В конце 80-х гг. в Ленинграде, по инициативе Валентины Ивановны Леоненко (позже — Президент Международной ассоциации блокадников города-героя Ленинграда), началось движение по поиску переживших блокаду. Собрав данные по живущим в самом городе, Валентина Ивановна распространила поиски блокадников в другие города СССР и за границу.

Организованные по всей России, секции ежегодно отчитываются на международном съезде Ассоциации блокадников города-героя Ленинграда. Со временем в движение вливаются потомки — дети и внуки переживших страшные годы войны.

28 августа 1992 года была создана секция блокадников в совете ветеранов города Череповца. Мы начали поиск людей на предприятиях города. К 2001 году нашлись 973 человека блокадников и 287 участников обороны Ленинграда.

На ежегодных ноябрьских заседаниях секция вырабатывала цели и задачи на следующий год.

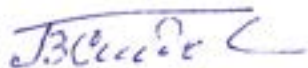
С рассказами мы выходили в образовательные учреждения города, и в детских садах, и в колледжах воспитанники собирались на встречи с очевидцами этих трагических событий.

Именно по нашей инициативе была установлена памятная доска на вокзале, усилиями участников секции братские могилы на первом городском кладбище были приведены

в порядок — на них установили плиты. В ЦГБ им. В.В.Верещагина были переданы на вечное хранение четырнадцать томов книги памяти «Они пережили блокаду» и тридцать пять томов книги памяти «Ленинград. Блокада 1941–1944 гг.».

В 2015 году в привокзальной сквере установили памятник медсестре, а идею его установки дали именно ветераны секции блокадников.

Пусть эта книга запечатлеет живую память о подвиге духа советских людей. И пусть потомки будут достойны этого подвига! Настало время, когда это выражение перестало быть громкой фразой и стало отражать реальную опасность отсутствия исторической памяти у молодежи.

Г.В. Сидоренко

председатель секции блокадников
при городском совете ветеранов г. Череповца

*Не бомбите меня! НЕ БОМБИТЕ!
Говорят, что сегодня мой праздник?!
Повезло... Вот он я – жив, смотрите!
Я зовусь страшным словом – БЛОКАДНИК!*

*Вспоминают блокадные дети,
Зализавшие раны подранки.
Вот и я вспоминаю дни эти –
Берега лет военных Фонтанки!*

*Как мне вспомнить всё это хотелось:
Всю блокадную, страшную повесть,
Где в одних просыпалась смелость,
А в других просыпалась совесть!*

(В.Таиров)

Ленинград. Город, не вставший на колени

У всех, кто пережил блокадные дни в г. Ленинграде, осталось в памяти о тех днях: голод, бомбежка, артобстрелы, холод. Не было воды, электричества, дров, всего того, что необходимо человеку для нормальной жизни.

А начиналось все так неожиданно и стремительно.

30 августа 1941 года была перерезана последняя железнодорожная магистраль, соединяющая Ленинград со страной (станция Мга).

4 сентября начался обстрел города из дальнобойных орудий.

6 сентября вражеской авиации впервые удалось прорваться к Ленинграду.

8 сентября был взят Шлиссельбург. Ленинград оказался заблокированным с суши, а движение судов от Ладожского озера на Неве парализовано.

8 сентября фашистская авиация совершила на Ленинград два массированных налета. Самолеты, появившиеся в небе над Ленинградом в 18 ч. 55 мин., сбросили 6327 зажигательных бомб, а в 22 ч. 35 мин. Ленинград услышал рев тяжелых бомбардировщиков, которые сбросили фугасные бомбы.

На следующий день к городу вновь прорвались 18 самолетов. Вражеские войска заняли уже Ораниенбаум, Петергоф и Пушкин. Дальнобойная артиллерия обстреливала Ленинград днем и вечером, бомбардировки с воздуха повторялись из ночи в ночь.

Войска фельдмаршала фон Лееба, командующего немецкой группой армий «Север», находились в 6 километрах

от Кировского завода, в 14 километрах от Дворцовой площади.

7 октября, в решающий день штурма Ленинграда фашистскими войсками, стало ясно, что штурм и план захвата города безнадежно провалились. Началась жестокая осада Ленинграда. Расчет был взять город измором, сломить упорство его защитников голодом и холодом, а бомбы и снаряды должны были превратить Ленинград в развалины.

Осень 1941 года... В сентябре по Ленинграду было выпущено 5364 снаряда, а октябре — 7590 снарядов; в сентябре на Ленинград было сброшено 16 087 бомб, в октябре — 44 102 бомбы. Трижды снижалась выдача хлебного пайка! С 1 октября рабочие получали 400 граммов хлеба на день, остальное население — по 200 граммов.

8 ноября был потерян Тихвин, через него доставлялись грузы к причалам на восточном берегу Ладожского озера, а оттуда — на западный берег.

С 13 ноября рабочим установили норму в 300 граммов хлеба, служащим, иждивенцам, детям до 12 лет — по 150 граммов. Хлебную норму снизили даже войскам первой линии. С 12 декабря рабочим — 250 г, служащим, иждивенцам, детям — 125 г.

В январе осажденный город сковали 30-градусные морозы. Лед на Ладожском озере окреп, движение по ледовой дороге наладилось. После освобождения Тихвина завоз продовольствия из Тихвина в Ленинград стал немного возрастать. С 25 декабря 1941 года хлебный паек ленинградцам увеличили: рабочим на 100 г, остальным — на 75 г. В конце января 1942 года хлебный паек был вторично повышен:

до 400 граммов рабочим, до 300 граммов служащим, до 250 граммов детям и иждивенцам. Холод и голод настолько обессилили людей, так истощили их, что еще несколько месяцев смертность в блокированном Ленинграде не сокращалась, а увеличивалась: в ноябре от дистрофии умерло 11 085 человек, в декабре — 52 881, а в январе и феврале — еще больше. В январе замерзли трубы водопровода и канализации, света и тепла не стало еще в предыдущем году. Фашисты убедились, что голодом Ленинград не задушить, и вернулись к прежней тактике систематического разрушения осажденного города артиллерийским огнем.

«Мы, дети, не представляли, что такое война...»

*Весь Ленинград, как на ладони,
С Горы Вороньей виден был.
И немец бил
С Горы Вороньей.
Из дальнобойной «берты» бил.
(М.Дудин)*

8 сентября 1941 года немецкая авиация впервые обрушилась на город Ленинград, бомбила беспощадно! С этого дня воздушные тревоги объявлялись по несколько раз. Обрушались здания и сооружения, жизненно важные объекты. Город оказался окруженным со всех сторон. Началась блокада Ленинграда.

(Большаков Б. П.)

Я окончил первый класс, были каникулы, и мы, дети, не представляли, что такое война. Для нас все было интересно: и бои самолетов, и воздушная тревога, и то, как мы с мамой спускались на первый этаж и отсиживались там (в нашем доме не было бомбоубежища). Отец никогда с нами не спускался, потом и я оставался с ним. (...) Что такое блокада, мы, дети, поняли только тогда, когда наступил ноябрь 1941 года. Соседи по коммуналке перестали общаться на общей кухне. Все замкнулись в своих комнатах, как могли, поддерживали свой быт. Да и на улицах стало меньше людей.

(Журжин Ю. Д.)

В начале блокады жители нашего дома при налете немецкой авиации спускались в подъезд, а на чердаке дежурили, чтоб тушить зажигательные бомбы. Однажды при таком налете увидели, что по улице бежал молодой парень и упал, раненный осколками. Моя мать и еще одна женщина бросились к нему и внесли его в подъезд дома, а потом передали его санитарной дружине. Становилось все голоднее, и при налетах немецкой авиации уже не было сил и желания спускаться в подъезд, и только стол отодвигали подальше от окна.

(Горшков В.В.)

Помню, 8 сентября 1941 года весь день была бомбежка, и тогда же сгорели склады им. Бадаева, где был запас продуктов – тысячи тонн муки и сахара. Сахар расплавлялся и смешивался с землей, застывая черной массой. Потом эту землю люди собирали и продавали на рынке стаканами. Мама тоже покупала, и мы, дети, ее сосали. Если попадался камушек или стеклышко — выплевывали.

(Петухова Л. М.)

В июле 1941 года, сразу после начала войны, детские сады стали вывозить из Ленинграда. Действовали согласно плану вывоза населения на случай войны. И так получилось, что повезли нас навстречу фронту. Детский сад, в котором были мы с сестрой Зиной (она старше меня на два с половиной года), вывезли, кажется, в город Вышний Волочек. Никто тогда не предполагал, что немцы вскоре будут так близко. Поэтому в сентябре, когда немцы стали подходить и окружать Ленинград, детей привезли обратно в город. А встречать их уже было некому: родители уехали из Ленинграда вместе со своими предприятиями. И многие дети попали в детские дома. К счастью, наша мама была в Ленинграде, и мы оказались дома. Так началась для меня война.

(Никифорова Л. В.)

К ежедневным обстрелам и бомбежкам привыкли, и все реже и реже прятались в бомбоубежищах. Учился я во 2-м классе. Занятия в школе не велись, а были в бомбоубежищах.

(Лялин Ю. Г.)

В конце сентября немецкие войска блокировали Ленинград. Город был подвержен сильному артиллерийскому обстрелу и бомбежкам с воздуха. Обстрелы начинались внезапно и продолжались по несколько часов. Под вой сирен воздушной тревоги горожане бежали в бомбоубежище. Оконные стекла были заклеены бумагой крест-накрест.

(Кузнецова А. М.)

Началась война, а затем блокада города. На завод им. М. Гельца поступали винтовки старого образца с небольшим браком, дефектом, мы их ремонтировали. Позднее стали выполнять военные заказы. Ленинград нещадно бомбили. Обстрелы начинались внезапно и продолжались по несколько часов.

(Полевиков В. М.)

Когда началась Великая Отечественная война, мы с родителями жили под Ленинградом, на станции Всеволожская. Отец работал на военном складе. Мать-домохозяйка — и мы — четверо детей. Мне тогда было 8 лет. Отца на фронт не взяли. Когда немцы подошли к Ленинграду, окружили его и началась блокада, в городе были ужасный голод и холод. Мама ежедневно ходила в магазин в очередь за хлебом. Старшая сестра уезжала рыть окопы и иногда не возвращалась до утра.

(Шведова З. М.)

Помню, как в начале блокады немецкие самолеты бомбили Ленинград. По сигналу тревоги мы все: мама, бабушка, я, старшая сестра — спускались в бомбоубежище. Иногда мы оставались в своей квартире: Васильевский остров, 10 линия, дом 15-б, квартира 12. Взрослые поднимались на крышу, чтобы тушить зажигательные бомбы.

(Алешина А. П.)

Наша семья жила на первом этаже, и поначалу во время тревог к нам в квартиру спускались жильцы с верхних этажей. Но постепенно люди привыкли к воздушным тревогам и стали оставаться у себя дома. Жителей становилось все меньше, но на крышах и у ворот во время налетов фашистских самолетов постоянно дежурили. Когда зажигательные бомбы падали во двор, на крышу или на чердак дома, дежурные — женщины, подростки — с помощью лопат и руками бросали песок на «зажигалку» и тушили ее.

По проспекту на Пулковские высоты шли войска, поющие тревожащие душу военные песни. Женщины стояли, смотрели и плакали. Все это очень волновало. Воздушные налеты, самолеты, сбрасывающие фугасные бомбы, обстрелы города с Пулковских высот, частые тревоги. Все это изменило жизнь людей.

(Перова А.А.)

«По звуку мы различали, чей самолет летит...»

*Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.
Куда влетит очередной, крутись?..
(А. Яшин)*

Когда звучали сигналы воздушной тревоги, мама брала меня на руки и бежала в убежище. В городе голод, холод, антисанитария.

(Бородавко Т. К.)

Я родилась в октябре 1924 года. К началу войны жила на даче композитора Глазунова в Озерках, мне было 17 лет. Вспоминать войну до сих пор страшно... Осталось в памяти, что мы постоянно то дежурили, то куда-то бегали (бегали сбрасывать зажигалки с крыш, тушить их). Если попадаешь под бомбежку на улице, то прятаться некуда (...) Просто ложишься на асфальт и пережидаете налет, потому что некуда бежать. Стоит очередь за конфетами, соевыми. Раз — и попадает снаряд. Вся очередь, только что живая, разбомблена. А мы потом маленькими лопатками останки с асфальта соскребали. Идешь по городу, впереди человек падает. Перешагнешь — и идешь дальше. Не могу вспоминать. Страшнейшее время.

(Проничева Т.И.)

Однажды я испытал, что такое бомбежка. Жили мы в Ленинграде в переулке Ильича, в доме №11. Сидя с отцом за столом, мы слышали, как со свистом, похожим на поросся-

чий визг, проносились бомбы. Большой шестиэтажный дом с метровыми стенами ощутимо трянуло. Наш дом в войну выстоял, стоит и сейчас, только в стене остались метки от снарядов. (...) В марте 1942 года мы с мамой пошли в булочную отоваривать карточки. Были тихие, почти мирные сумерки. Мама стояла в очереди, а я — у стола в углу магазина. Вдруг погас свет, сверху что-то посыпалось, из окна полетели осколки стекла. Я машинально нырнул под стол. Поднялся шум, люди ринулись к выходу. Мама нашла меня в этой суматохе, и мы выбежали на улицу. Перед нами открылась такая картина: у дома, что в метрах двадцати от магазина, не было стены, а на высоте второго этажа на маленьком выступе стояла женщина с распростертыми руками и громко кричала: «Юра, Юра!» Тут уже были пожарные, суетились люди. Мама увела меня домой. Эта картина осталась в памяти на всю жизнь.

(Журжин Ю. Д.)

Помню бесконечные воздушные тревоги, сирены, самолеты летали низко и сбрасывали бомбы. Приходилось все время прятаться.

(Годунова Ю. В.)

Рядом с нашим микрорайоном были мукомольный комбинат имени С. М. Кирова и машиностроительный завод имени В. И. Ленина — объекты постоянных обстрелов и бомбежек. Обстрелы завода проводились почти ежедневно в период пересменки рабочих. В некоторые дни выпускалось по этим целям более сотни снарядов, но около половины из них не

взрывались или не попадали в цель. На жилые объекты чаще применялись зажигательные бомбы и реже — фугасные, но в большинстве случаев они не взрывались и уходили в торфяную почву глубоко.

(Лялин Ю. Г.)

Когда начиналась воздушная тревога, выла сирена, мы ложились, укрывались с головой и ждали, когда она кончится. Мы редко ходили в бомбоубежище — не было сил. Мама уже почти не вставала.

(Отрешкова В. Д.)

В начале блокады жители нашего дома при налете немецкой авиации спускались в подъезд, а на чердаке дежурили, чтоб тушить зажигательные бомбы. Однажды при таком налете увидели, что по улице бежал молодой парень и упал, раненный осколками. Моя мать и еще одна женщина бросились к нему и внесли его в подъезд дома, а потом передали его санитарной дружине. Становилось все голоднее, и при налетах немецкой авиации уже не было сил и желания спускаться в подъезд, и только стол отодвигали подальше от окна.

(Горшков В.В.)

К ежедневным обстрелам и бомбежкам привыкли, и все реже и реже прятались в бомбоубежищах. Учился я во 2-м классе. Занятия в школе не велись, а были в бомбоубежищах.

(Лялин Ю. Г.)

Когда объявляли воздушную тревогу, надо было спускаться в бомбоубежище. Мы спускались в подвал нашего дома, громадного, с толстыми стенами. Помню, как сидят люди, некоторые — с какими-то вещичками, тускло горит лампочка. А потом на улице Поварской бомба попала в один из домов, дом разрушился, и люди в подвале погибли. Они не смогли выбраться из-под обломков, а из разорванных труб водопровода лилась вода. И люди в подвале просто утонули. Тогда папа запретил нам спускаться в подвал, сказав: если судьба, так ее не миновать, но только не такой смертью, это страшней, чем, когда бомба, и сразу. Обломки этого дома мы видели после войны — он находился как раз напротив нашего нового жилья на улице Колокольной.

Мама потом вспоминала, что по звуку мы различали, чей самолет летит. И если слышали, что немецкий, ползли за печку, чтобы спрятаться от осколков, если вдруг окна разлетятся. Почему ползли? Ходить от голода уже не могли. Стены в комнате были четыре с половиной метра в высоту, окна огромные, заклеенные крест-накрест от взрывной волны, и опасность, что они разобьются, конечно, существовала, поэтому и спасались от осколков за печкой. Потом стекла все-таки вылетели. Когда после блокады мы вернулись, вместо стекол стояла фанера.

(Никифорова Л. В.)

Отец предложил мне поехать с ним на Сенной рынок купить телогрейку. Приехали мы на рынок, зашли в магазин, начался артобстрел. Продавец стал вынимать выручку из кассы и складывать себе в сумку. Он пояснил, что всем работникам

торговли дано указание о сохранении выручки на случай обстрела.

Вышли из магазина, рядом оказался ларек, где торговли пивом. Мы подошли к ларьку и заняли очередь. Вдруг в 15 метрах от ларька появился мужчина с телогрейкой на руке. Только мы подошли к мужчине — в тот же момент снаряд попал прямо в пивной ларек. Ларек загорелся, и в дыму раздались крики, стоны, виднелись люди в крови. У отца на кожаной куртке появились царапины от взрывной волны. Главное, что появление мужчины с телогрейкой спасло нам жизнь.

(Лялин Ю. Г.)

Семейное фото Лялина Ю. Г.

«Я был вшивый дистрофик...»

*Без воды, без еды и без света,
от рассвета и вновь до рассвета
чётко помня: ни шагу назад,
выживал, как умел, Ленинград.
(Л.Фогель)*

Зима 1941–1942 года — блокадная, страшная. Не было топлива и электричества. В декабре остановился городской транспорт, вышли из строя водопровод и канализация. В нашей комнате в общежитии стояла печка-буржуйка, но топить ее было нечем. Во время одного из налетов общежитие разбомбили. Погибло много молодых ребят и девчат. Мне удалось каким-то образом выбраться.

(Полевиков В. М.)

Началась зима. Не было тепла, еды и даже воды. Воду мама приносила из Невы в бидончике, так как больше донести не было силы. Мы не мылись всю зиму 1941–42 гг. Мама мокрой тряпочкой нам глаза протрет — вот и вся гигиена. Спали мы все вчетвером на одной кровати, согревая телами друг друга. В подвале дома было бомбоубежище, и, когда объявляли воздушную тревогу, первые 3 месяца мы туда ходили, но потом уже не было сил, да и не было смысла: обстрелы с Пулковских высот начинались внезапно.

(Петухова Л. М.)

Начался голод — это самое ужасное, что можно себе представить. Просить нечего и не у кого. К маленькому кусочку хлеба мама пыталась что-то приготовить из туранды и осадка от кофе.

(Лондон Т. П.)

С первых дней войны отключили газ, электроэнергию и воду. Канализация тоже не работала. Стекла в рамах заклеивали бумагой (крест-накрест). Дежурные постоянно следили, чтобы из окон в темное время не было видно света, требовали соблюдать светомаскировку. На улицах большие сугробы, узенькие тропочки, на которых двоим не разойтись. Стояли трамваи, так как не было электричества. На работу люди ходили пешком. Многие оставались там ночевать. На улицах частая картина: человек, взмахнув руками, падает, подняться уже не мог.

(Перова А. А.)

Зима 1941–1942 гг. была суровая, холодная. Топлива и электроэнергии не было. Дом обогревали печками-временками. В декабре остановился городской транспорт. Вышел из строя водопровод, приходилось стоять долгие очереди за водой у водоразборных колонок.

(Кузнецова А. М.)

К осени 1941 года и до конца года Ленинград словно вымер. Трамваи на рельсах стояли без движения. Снег не расчищался, кругом были сугробы. Над городом висели аэроостаты, постоянно звучали сигналы воздушной тревоги из уличных репродукторов, а люди все меньше и меньше на них

реагировали. В глазах людей не было страха и сострадания, а была отрешенность и безразличие. Были случаи и подачи световых сигналов с места стратегических объектов, и по ним наносили бомбовые удары. С 23 апреля 1942 года ледовая пятимесячная эпопея пришла к своему естественному концу. Лед растаял, дорога окончила свое существование... 24 апреля 1942 года было прекращено движение всех видов транспорта. Зимой транспорт не работал, водопроводы замерзали. За водой приходилось ходить пешком на Неву и ковшиком черпать из лунок.

(Лялин Ю. Г.)

Голод, холод, отсутствие света, газа, водопровода и постоянные бомбежки легли на плечи жителей города. Перестал работать транспорт. Паек на хлеб насущный — 125 г и 250 г на иждивенцев и рабочих соответственно, отоваривался по карточкам, и низкая норма на остальные продукты питания. Не повезло с погодой: зима оказалась суровой, стояли лютые морозы. Люди умирали на ходу — на улице, в магазинах. Холод страшнее голода!

(Большаков Б. П.)

Школу посещал все реже и реже, учеников в классе становилось все меньше. Мы сидели одетые, в темноте. И потом расходились по домам. (Я не помню, чтобы мы учились). Потом совсем перестал ходить в школу. Однажды мама решила навестить мою первую учительницу и взяла меня. Я ее не узнал: передо мной стояла женщина, исхудавшая и почерневшая. А я ее помнил молодой, красивой.

(Журжин Ю. Д.)

Наступила зима, не стало электричества, потом не стало воды. Не работала канализация. Приходилось ходить с мамой за водой на Фонтанку, там была полынья, и люди по очереди черпали воду в свою тару. Тепло в комнате поддерживали печкой, она была круглая и обернута рифленным железом. Кто как мог доставал дрова и все, что горит.

(Журжин Ю. Д.)

Была очень холодная зима — 40–41 градус. Мы жили с мамой, бабушкой и дедушкой в маленькой комнате в коммунальной квартире. В это время в городе было печное отопление. У нас в комнате была маленькая «буржуйка», у которой мы обогривались и на которой готовили скудную еду.

Воды в городе не было. Меня бабушка посылала к ледяному ручейку на Гороховой улице, где, чтобы достать воду, нужно было лечь на пузо и черпать воду ковшиком в бидон. Канализация не работала — все отходы выливались у выхода с лестницы. Город был в темноте из-за светомаскировки. Мы сидели в холодной комнате при маленькой коптилке и ждали маму с работы. В бане мы не мылись целый год — а это нечистое белье и вши. Я был вшивый дистрофик. Ночью город погружался в темноту. А днем трещал мороз, на улицах стояли трамваи, троллейбусы, автобусы, истощенные люди везли саночки с завернутыми в простыни трупами родных. Это самый трудный год.

(Лондон Т. П.)

Начался голод, не поступала вода. За водой приходилось ходить далеко. Голодные и слабые люди часто не возвращались, а трупы с улиц не успевали убирать.

(Еремина Э. И.)

Электричества в деревне и до войны не было, а в войну не стало и керосина, поэтому в исключительных случаях пользовались самодельным фитилем (в блюдце наливали мазут, пропитывали им небольшую веревочку и поджигали ее).

(Клюквина Т. Е.)

За одну зиму 1941–42 гг. в Ленинграде умерло примерно 1 млн человек, но кто могли, работали и защищали город. Такого патриотизма, который проявили ленинградцы, мир еще не видел. Пройдут века, но блокадники — мужчины, женщины, старики и дети, кто стоял и кто выжил, — будут передавать это из поколения в поколение. Наши союзники высоко оценили подвиг ленинградцев. Американская газета «Нью-Йорк Таймс» в передовой статье 31 января 1944 г. писала: «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в историю как своего рода героический миф».

(Петухова Л. М.)

С наступлением холодов мама с бабушкой стали жечь домашние книги, а у нас было огромная библиотека.

(Алешина А. П.)

Потом не стало воды, света. Зимой был такой холод, что мы почти никогда не раздевались, спали в одежде, прижимаясь друг к другу. Поставили буржуйку. Жгли стулья, книги — все, что можно было сжечь. Мама плохо себя чувствовала, у нее было больное сердце. Раньше, когда мы ходили в баню и ей становилось плохо, она выходила, сидела на скамейке и принимала лекарства. А во время голода у нее стали опухать ноги, она еле ходила. Зимой, когда приходилось ходить за водой на Фонтанку, она приходила и падала на кровать.

(Отрешкова В. Д.)

Весной 1942 года население города, способное двигаться, стали отправлять на очистку улиц города. Все накопившееся за зиму надо было убрать до тепла, чтобы не возникло эпидемий. Скалывали лед во дворах, грузили на большие фанерные листы и вывозили на себе в Обводной канал. Освободились ото льда трамваи, и когда подали электричество, они поехали по городу: звонок их был слышен далеко. Ожили и заводские гудки. Редкие прохожие улыбались друг другу. Везде, где была открытая земля, копали огороды. Открылись после зимнего перерыва бани! Я помню первое посещение: в пару двигались скелеты, с большими животами и выпуклыми венами.

(Перова А. А.)

Если бы в то время кто-нибудь заглянул в нашу комнату в 8-ми комнатной коммунальной квартире, то увидел бы следующее: стекла двух окон выбиты взрывной волной, окна завешаны одеялами, на которых слой инея, такой же иней — потоньше слоем — на стенах. Полумрак, тускло горит коптилка — кусок скрученной ваты, положенной в блюдце с машинным маслом. Мать, привязав начало маскировочной сети к спинке кровати, склонившись около коптилки, вяжет. Нужно связать сеть длиной 10 метров. Кончит одну, принимается за другую. За стеной в другой комнате плачут дети — день, другой, третий, пока не затихают навсегда. Никто не хоронит — сил нет. В нашей комнате плачет малютка, а у матери груди высохли — молока нет. Вторая крошка, трех лет, укутанная в шубу, валенки, шапку, сидит на диване, слышит плач сестренки и соседских детей и приговаривает:

«Кушать хочется, а кушать нечего, плакать не буду — лучше песенку спою». Мать посылает меня за водой. Беру кувшин и бидончик, спускаюсь по темной скользкой лестнице, выхожу на улицу. Кругом сугробы, из которых торчат ноги, руки мертвецов. Бреду к Неве. Спускаюсь с берега, становлюсь на коленки, зачерпываю из проруби воду. Все это делаю медленно, сил нет. Бреду обратно. В комнате печка, встроенная в стену, не знаю, как ее назвать, наверное, голландка. Рублю стол, стул, какую-нибудь притащенную от забора или разрушенного дома доску, рву книги. Каждый день по-разному: что есть, кладу в печку. Конечно, не для тепла, какое тут тепло, стеклов нет. Мороз — градусов 25–30. Кипячу в чайнике воду, пьем чай с кусочками насушенного на сковородке хлеба. Мыться было негде. Помылся осенью 1941 года, а затем только после поступления в ремесленное училище — весной 1942 года.

(Эйсмонт В.Д.)

«Мамочка, принесла хлебушка?...»

*Замерзая, люди близких хоронили,
Пили воду из растопленного льда,
Из любимых книжек печь зимой топили,
И была дороже золота еда.
(Т. Варламова)*

Отец Дмитрий Иванович с февраля 1942 года воевал под Ленинградом. Линия фронта проходила недалеко, и отец несколько раз приезжал и привозил где-то в мае-июне траву (крапиву, лебеду).

(Журжин Ю. Д.)

Введена карточная система выдачи хлеба. Рабочие получали по 300 г, а мы — по 125 г (...) Продукты в Ленинград поступали по Ладожскому озеру и по воздуху. Летчики сбрасывали с самолетов мешки с американским продовольствием, в основном снабжали соей.

(Кузнецова А. М.)

Жили во время блокады, мягко говоря, голодно. Ели землю с Бадаевских складов, столярный клей, а то и котлеты делали из кошек и собак. Летом траву варили, лепешки из нее пекли на олифе. Я до того дошла, что ходила на костылях. До сих пор от тех лет в ушах все гремит.

(Новикова М.П.)

Столовая, в которой я работала учеником повара, находилась на территории института и была студенческой. После эвакуации студентов мы помогали бойцам ПВО. Все, что

получали для столовой, возили на себе. Дрова заготавливали в пригороде: ломали пустующие дома, разбирали, грузили на машину и привозили в Ленинград. Питание в столовой было скудное. В больших котлах парили зерно, из соевых выжимок пекли запеканки, варили из сахарина и желатина желе и кисели. Несколько раз поступали конские головы. Готовили дрожжевой суп: соль, вода, дрожжи. Из горелых продуктов Бадаевских складов тоже варили суп. Однажды я несла такой суп в железной банке. Поскользнувшись, я упала, все пролилось на лед. Люди, находившиеся рядом, опускались на колени и лизали замерзающую жидкость, втягивая в себя.

(Перова А. А.)

Паек хлеба мама приносила одним куском: 3 по 125 г, плюс 250 г, получалось 625 г. на весь день, и больше ничего. Она резала его на 4 одинаковые части и говорила: «Дети, берите», – а сама всегда брала самый последний кусочек. Хлеб был почти черный и сырой, так как муки в нем было 50-60%, а что еще туда добавляли, не знаю. Как-то мама принесла кусок лошадиной кожи. Мы опалили шерсть, соскоблили ее ножом и смололи кожу на мясорубке. Потом мама смешала все это с хлебом и на олифе жарила котлеты. У нас был праздник 3 дня. И все же братья умерли: младший — 6 февраля, а старший — 8 февраля 1942 г. Хотя норму хлеба к тому времени уже увеличили до 200 г на день, но у мальчиков организм, видимо, слабее. У них начался понос, и они ушли один за другим. Через день по квартирам ходили из домоуправления: женщина и двое военных. Они выясняли, кто умер, и забирали карточки умерших, чтобы те, кто еще жив, не могли ими воспользоваться, так как каждый грамм хлеба был на учете. А мертвых оставляли.

(Петухова Л. М.)

А как голодно было нам в это время! Есть хотелось всегда: днем, ночью и даже во сне. Конечно, мать получала какие-то продукты на нас, двоих малышей. Но этого было так мало, что есть приходилось и столярный клей, и дуранду. Дуранда — это корм для животных, который состоял из спрессованных жмыхов льна, подсолнечника или сои. Эту дуранду в количестве 15 кг мать выменяла на рынке на семейную реликвию — золотые часы прадеда. Однажды около нашего дома осколком убило лошадь. Быстро за кониной выстро-

илась очередь, нам же досталась голова лошади, которую мы и варили всю зиму. Кости переваривали много-много раз. Вспоминается и такой курьезный случай. Мать получила за отца по аттестату деньги и пошла на рынок купить что-нибудь из съестного. Ей приглянулся кусочек мяса, но за деньги его не продавали, а меняли только на хлеб. Мать несколько раз подходила и просила продать за деньги. Мать поинтересовалась, что это за мясо. Ей ответили, что это домашняя кошечка. Мать была рада, что не купила этого мяса.

(Яковлев В. П.)

С самого начала Блокады началось недоедание, а затем и настоящий голод. В мои обязанности (четырехлетнего) входила добыча еды: собирал крапиву, осоку, лебеду. Со склада у станции иногда удавалось подворовывать жмых. (Часовые к голодным ребятишкам относились снисходительно, никого за все время не подстрелили). Самое страшное, что могло со мной случиться (чудом удалось спастись), это быть похищенным и съеденным или переделанным на котлеты. Однажды мать как почувствовала: пошла мне навстречу, когда я шел из магазина. Одна относительно молодая пара пыталась

заманить меня к себе. Мать отбила меня у них. Впоследствии их арестовали и судили как похитителей-людоедов.

(Мурашов Ю. М.)

От попадания бомб сгорели Бадаевские склады — все запасы сахара и т.д. Люди были безразличны, им хотелось только одного — поесть и согреться. Люди пропадали — их кто-то обещал накормить!

Помню: берешь кусочек хлеба со спичечный коробок, подсыпаешь слой соли, плюс горчицы, с невероятной жадностью кусаешь — и не чувствуешь ни хлеба, ни горчицы, ни соли!

(Большаков Б. П.)

На улицах уже не видно было ни птиц, ни собак, ни кошек — их всех съели. Возле комиссионного магазина лежала целая куча железных кроватей, швейных и пишущих машинок, утюгов, велосипедов. Люди по старой довоенной привычке несли все это в комиссионный магазин, надеясь хоть что-то получить из денег или еды. Но магазин давно уже был закрыт, и все эти вещи никому были не нужны. Когда немецкая авиация, по наводке шпионов или предателей, разбомбила в Ленинграде Бадаевские продовольственные склады, стало совсем голодно.

Мать рассказывала, что при сильном желании есть сначала по телу проходили голодные судороги, вытягивая все тело, в дальнейшем тело начинало опухать так, что кожа на ногах наплывала на голенища валенок, а потом тело и желудок начинали ссыхаться, отчего и есть уже не хотелось. Я же от голода заводил одну и ту же песню: «Кушать! Кушать!

Кушать!» Матери тошно было меня слушать, и она кричала мне: «Замолчи!» И я замолкал на время, потом кидался к буфету, где раньше всегда была какая-нибудь еда, перебирал вилки, ножи и ложки и, не найдя ничего из еды, подходил к дивану, вытаскивал из-под него мешок, в котором когда-то была мука, и начинал его сосать, хотя он давно уже был матерью вымочен, вымыт и выжат. Чтобы отвлечь меня и утешить, мать начинала говорить мне: «Вот приедем к тете Шуре в деревню, тетя Шура положит на стол буханку хлеба и скажет: "Ешь, Володя, вдоволь, сколько хочешь"». И я, как заклинание, повторял за ней: «Вот приедем к тете Шуре...» Но почему-то, когда мать давала мне кусочек хлеба, я крошил его на мелкие крошки в блюдце, заливал их водой и сначала выпивал эту воду, а потом съедал хлеб по одной крошке. Брат мой, которому было 14 лет, днем преподавал где-то в городе. И вот однажды он нашел возле стоянки военных кораблей в пустом сарае в выкинутой коробке крошки печенья, смешанные с мелкой махорочной пылью, и принес их домой. Отделить мелкие крошки от табачной пыли было невозможно, выбросить — жалко, и мать вскипятила эту смесь и сказала: «Давай дадим Вовке все равно полизать». Я с жадностью нахлебался и тут же распустился и позеленел. Спасло меня то, что меня вскоре стошнило и вырвало съеденным. Голод был такой, что, когда человек, получив хлеб на всю свою семью или же за несколько предыдущих дней, не удерживался и сразу его съедал, ссохшийся желудок не выдерживал, и человек в мучениях умирал. А в Ленинграде были случаи каннибализма.

(Горшков В. В.)

*Горшков В.В.**Кулакова Л. А.*

В деревню под Ленинградом хлеб (если это можно было назвать хлебом — из чего-то приготовленная мякина) привозили на телегах из пекарни далеко не каждый день. В очередях за ним стояли до 12 часов, и то не всегда могли получить — не хватало. Полученный паек складывали в чугуны, заливали водой, добавляли туда все, что можно было добыть в лесу (траву, ягоды, грибы), и варили похлебку.

(Клюквина Т. Е.)

В семье нас было четверо детей — 3, 5, 10 и 12 лет. Мама работала осмотрщиком на железной дороге. Было очень трудно без еды, но нас подкармливали деревенские. Ослабев от голода, в 1942 году мы уже лежали опухшие и не вставали.

(Жарков А.Д.)

Отец иногда приносил картофельные очистки. Это кормили солдат, и ему удавалось взять хотя бы очистки. Мама варила их и этим отваром кормила нас.

(Кулакова Л. А.)

Коней кормить нечем, как и нас. Лошадей всех прирезали и съели. Хлеба давали по 200 г, а как стали давать по 125 гр, люди стали умирать.

(Колодько К. А.)

Мама с папой говорили, что война быстро закончится и не будет никакого голода, что будут карточки и по ним будут выдавать продукты. Вначале было ещё ничего, но когда уже не стало никаких продуктов и мы стали получать только маленькие кусочки хлеба, начался голод. Запасов у нас не было. Мы все время хотели есть. Братик, не переставая, плакал. Мама не знала, что делать. Она стала ходить на барахолку и менять вещи на продукты. А когда было тепло, мама ездила в пригород собирать с полей оставленную неубранной картошку. А когда совсем уже есть было нечего, мама выкупала паек и делила его на маленькие квадратики, чтобы мы могли дольше жевать. Свой паек почти весь отдавала нам. Не знаю, чем она жила, еле ходила, была такая худая, ее было не узнать. У нас была кошечка Мурка, красивая, ласковая. Братик с ней играл. Однажды она пропала. Я спросила, где наша Мурка. Мама сказала, что убежала. На другой день мама сварила суп с мясом. Сказала, что ей кто-то дал кролика. Мы ели его не один день. Мы с братом плакали — жалко было нашу кошечку.

(Отрешкова В. Д.)

Где-то в середине сентября дядя Матвей (отца брат) украл у нас хлебные карточки на целую декаду. Мама поехала к отцу (их часть стояла на Пулковских высотах, деревню не помню). Каким-то чудом отцу удавалось собрать недоеденные кусочки хлеба в солдатской столовой, а ночью он пол-

зал на нейтральную полосу то за морковкой, то за картошкой, то за свеклой. И так мы пережили эти 10 дней.

Помню новогодние подарки 42-го года. Не знаю, давали ли что-нибудь взрослым или нет, но нам, детям, дали по 0,5 литра соевого молока, по мандаринке, сколько-то штук шоколадных конфет и, главное, — по 300 г перловой крупы.

(Пиков Е. К.)

Мама приносила из магазина 125 грамм хлеба, варила из него какую-то кашницу, усаживала всех нас за стол и кормила. Когда мы ели, она садилась за стол напротив нас, брала на руки маленькую сестренку и плакала. А однажды мама ушла в магазин за хлебом и не вернулась домой. Старшая сестра нашла ее мертвой около нашего дома, совсем немного у нее не хватило сил дойти до дома. Умерла от голода. У нее, мертвой, забрали хлеб. И этих 125 грамм у нас уже не было (...). Как-то отец принес с работы сухую горчицу и сказал: «Ну, девочки, будем печь оладьи». Отец напек оладушек, они были такие красивые, но оказались такими горькими, что их нельзя было проглотить.

(Шведова З. М.)

В самом начале блокады мы не очень голодали. Все дело в том, что мы с сестрой до войны прятали корочки хлеба в полочку на столе. За несколько лет их накопилось довольно много. Как же они нам пригодились, когда начался голод! Помню, каким лакомством был для нас жмых (спрессованные отходы подсолнечных семечек со шкурками, которые получались при изготовлении подсолнечного масла). Взрослые ста-

рались кормить нас, а сами голодали. Летом и осенью мама и бабушка ездили на какие-то поля под Ленинградом, привозили травы, немного овощей (которые не успели убрать с полей). Мы, дети, много спали, были обессиленные от голода.

(Алешина А. П.)

Кроме продуктов по карточкам, ели студень из клея с лавровым листом, перцем. Была еще горчица. Мать отмачивала несколько дней порошок, затем на олифе пекла очень горькие оладьи. Пытался есть мох — не пошло. Из жмыха (остатки после получения растительного масла) тоже делали на оли-

Воспоминания детей блокадного Ленинграда

фе котлеты. Ел и то, что называлось «творогом»: в 1942 году жители города подползали под заграждения так называемых Кушелевских складов, чтобы набрать тут земли для еды. Там до войны зарыли в землю несколько вагонов забракованных овощей, поэтому земля стала съедобной. Весной появилась мать-и-мачеха, лопух. Их прокручивали на мясорубке и делали, также на олифе, травяные котлеты. Были возможности обменять вещи на хлеб, луковицы.

(Эйсмонт В. Д.)

Мне запомнился мальчик лет десяти: не доев свой хлеб, он спрятал его за пазуху. Когда я спросила его: «Зачем ты прячешь хлеб?», — он ответил, что это на потом. А сам спросил: «Вы ворон ели?» Я ответила, что нет. Мальчик сказал: «А мы ели и компот из сена пили».

(Мелюшкина Т. П.)

В три года многого не запомнишь, но то, что хочется кушать, запомнилось хорошо. Наши молочные зубы очень быстро выпали от истощения, и были мы совсем беззубые. Но оставались понятливыми. А мама все время бегала в поисках хлеба по городу. Постоит в одной булочной в очереди — кончился хлеб, постоит в другой — кончился. Иногда по 4 дня она не могла его добыть. Вернется домой, мы навстречу: «Мамочка, принесла хлебушка?» — «Нет, ребятки...» — «Тогда водички дай». В воде недостатка не было — Фонтанка рядом. А вот канализация не работала (действовала только первые два месяца войны), нечистоты сливались на черный ход — куда деваться.

Папа работал на оборонном предприятии, домой он не приходил — военное положение. Выжили мы благодаря его пайку. Он отдавал нам большую его часть. Мама ходила к проходной его предприятия, и он выносил еду. Шла она пешком (транспорта уже никакого не было) из центра на Васильевский остров. Варили обои: бумага была раньше натуральная, клей — тоже из муки. Еще мама варила кисель из столярного клея.

Я была очень маленькая и ходила в прямом смысле слова под стол пешком. Стол у нас был большой, дубовый, а внутри стола, по его периметру, располагались полки, на них — книги. До войны нас заставляли все есть с хлебом. А я очень не любила верхнюю горелую корку с хлеба, и иногда эти корки мы с сестрой, пока мама не видела, прятали между книг под столом. А тут, видимо, что-то припомнила и пошла искать. И ведь нашла! Как я закричала: «Я корочку нашла!» Сестра Зина просит дать половинку, я жадничаю, кричу: «Не дам!» Зина плачет, мама плачет, я плачу. Мама чудесным образом

находит еще одну корочку среди книг, вдвое больше моей, и вручает Зине. Справедливость восторжествовала.

Весной в Ленинграде стали продавать траву. Мама купила ведро клевера. Ей сказали, что можно из него наделать котлет. Мама попробовала и сказала: «Я не лошадь, не могу сено есть». Котлеты поставила на подоконник. Спали мы с сестрой «валетиком» в одной кровати (так теплее), и моя голова оказалась рядом с котлетами. Их было хорошо видно, так как стояли белые ночи. Я дождалась, пока Зина заснула, вылезла и утащила одну котлетку. Из блокады я запомнила те случаи, когда было или стыдно, или страшно. Так вот, это как раз тот случай, когда наутро мне было очень стыдно: я съела ВСЕ котлеты из клевера — таскала по одной всю ночь. Последнюю котлетку хотела оставить Зине, но не смогла — съела. Проснувшись от крика сестры: «Люська все котлеты съела!!!» Мама не поверила своим глазам. Предположила, что это крысы. Но Зина тоже сообразительная была и резонно заметила, что крысы оставили бы после себя кашки. В общем, сколько я ни притворялась спящей, пришлось «пробудиться» и сознаваться. Мама плакала, испугавшись, что я могу умереть от такого количества травяных котлет, мы с сестрой тоже — я от угрызений совести, Зина от обиды. Но мама пообещала сестре, что котлеты будут, так как осталось еще полведра клевера.

(Никифорова Л. В.)

На нашей улице (Мало-Детскосельский проспект) стихийно возникла толкучка. Каждый день собирались люди, одетые в несколько одежд, покрытые одеялами. Люди

медленно двигались, говорили тихо. Меняли все: 125г Хлеба — на 4–5 поленьев для буржуйки, пачку махорки — на 125 г хлеба. Платье можно было обменять на сушеную воблу или воблу — на патефон. Одна буханка черного хлеба стоила 800 рублей, пол-литра водки — тоже 800 рублей.

(Перова А.А.)

«Я дежурила по ночам в госпитале, а утром шла на работу...»

*Им выпало без счёта адских мук,
Труда для фронта без речей парадных,
Им выпало, но люди не сдались,
Не сдался город, взрослые и дети!
Их памяти, живущий, поклонись
И расскажи — пусть помнят! — нашим детям.
(Г. Станиславская)*

Было очень строго в Ленинграде с освещением. Как только наступали сумерки и надо было зажигать свет, дворник со свистком очень громким, грозным голосом начинал кричать: «Опускайте шторы! Опускайте шторы!» И если где-то мелькал огонек, могли виновника и расстрелять, обвинив в том, что он специально демаскирует город для немецких самолетов.

Но один раз мама подняла шторы. За окном горело. И от этого я проснулась. С крыши нашего дома сбрасывали горящие головешки. По всей видимости, попала зажигательная бомба. Я вылезла из своей детской кровати, вышла в коридор — там стояли все жильцы нашей квартиры. И каждый держал какие-либо емкости, наполненные водой, чтобы в случае возгорания начать тушить. Но все, слава Богу, обошлось.

Мы жили в центре города, а центр охранялся очень серьезно. Я даже помню, как однажды увидела солдат, которые на многометровых тросах вели по воздуху некие подобия дирижаблей, этакие огромные шары (мы их называли «кол-

баски»), наполненные водородом. Эти «колбаски» служили как оборонительные воздушные заграждения: если самолет попадал на них, то происходил взрыв. И таких заграждений было особенно много в центре города. Поэтому разрушений рядом с нами, кроме того дома на Невском проспекте, больше не помню. Когда мы вернулись из эвакуации в 1944 году, этот дом был обколочен фанерой с нарисованными окнами.

(Никифорова Л. В.)

Во время блокады 5–7 раз я болела воспалением легких, была дистрофия, поэтому врач запретила меня отдавать в школу с 7 лет по состоянию здоровья. В течение многих лет опасались, что с таким слабым здоровьем я могу заболеть туберкулезом. В течение всей своей жизни я боялась ходить на рентген и флюорографию легких: иногда приходилось повторно проходить это обследование.

(Белобородова Р. В.)

Шел сентябрь 1941 года. Фашисты вплотную подошли к городу. Все ленинградские предприятия выпускали продукцию для нужд фронта. Меня направили в сестрорецкую артель по изготовлению камуфляжных сеток. В ней работали женщины и подростки. Было очень трудно, не хватало материалов, не было света, кормили очень скудно, но мы работали и выдавали продукцию.

(Уколова К.С.)

В Ленинград я приехала в 1936 году. Жила до 1941 года в домработницах, а потом устроилась вахтером на военный завод имени Жданова. С началом войны нас, девушек, пере-

вели бойцами в охрану завода. Прошли военную подготовку, научились обращаться с винтовкой и пистолетом. Дежурили сутками. В сорокаградусные морозы портянки к ногам примерзали. С поста, бывало, не идешь, а ползешь — ноги уже ничего не чувствовали. Обстрелы, бомбежки — через каждые 20–30 минут. А после шли по территории завода, чтобы собрать убитых, помочь раненым.

Однажды я задержала человека, который шел на завод с чемоданчиком, и попросила открыть его. В ответ на это преступник ударил меня чемоданом по голове два раза. Я закричала, на мой крик из караульного помещения выскочили военные и задержали преступника, а в его чемодане обнаружили сигнальные ракеты. За этот случай меня наградили денежной премией, моя фотография была помещена на Доску почета.

(Новикова М.П.)

Мы — мама, бабушка, сестра 14 лет и я — жили в комнате коммунальной шестикомнатной квартиры. В квартире жила ещё соседка с 17-летней дочерью. В пустующих комнатах были выломаны полы, подоконники. Входные двери в квартиру не закрывались, так как обледенели. С верхних этажей из окон или с лестницы обессиленные люди выливали все нечистоты. Тяжелые сосульки свешивались под окнами первых этажей. Прачечная постепенно превращалась в мертвецкую: туда заносили людей, которых некому было завезти в морг.

Часто я дежурила по ночам в госпитале: давала раненым пить, вызывала медицинский персонал, писала письма родным раненых бойцов. А утром шла на работу. Работала по 10–12 часов без выходных.

Сестра осенью 1942 года эвакуировалась, а мне было отказано, так как я работала. Вскоре я осталась в том, что было на мне. Пока я была на работе, из квартиры у меня унесли все вещи, одежду, даже письма и фотокарточки моих родных (то, что мне было особенно дорого). Свой паспорт я обнаружила в подъезде за дверями.

(Перова А. А.)

Разместили нас в общежитии завода, где работал отец. Это был одноэтажный дом на набережной Мойки. В комнате было очень много семей, для каждой семьи был отгорожен небольшой закуток шкафчиками для одежды. Их когда-то рабочие использовали для переодевания. Жизнь ухудшалась с каждым днем. Исчезли продукты, их выдавали по карточкам. Было очень страшно, когда налетали немецкие самолеты и начинали бомбить город, били зенитки, выли сирены. При объявлении воздушной тревоги жители дома собирались в большой темный коридор одноэтажного дома и находились там до отбоя. Всем вместе было не так страшно. Мне запомнился случай, когда во время обстрела снаряд попал в общую кухню, разрушив плитку и пол. Люди не пострадали, хотя и стояли за тонкой деревянной перегородкой. Вот мы бежим с мамой в бомбоубежище при очередном обстреле города. Вдруг разорвался поблизости снаряд, воздушной волной нас опрокинуло в снег, а бежавшего впереди ремесленника

осколком ранило в живот. Его смерть меня потрясла. С тех пор мы в бомбоубежище не бегали. При объявлении тревоги мы садились на кровать и накрывались одеялом, чтобы не было так страшно. В общежитии, где мы жили, был красный уголок. Мы, малыши, часто там играли в свои нехитрые игры, не обращая никакого внимания на трупы, сложенные там. Их вывозили примерно раз в неделю. Интересно то, что мы, дети, не боялись их и спокойно относились к ним как к чему-то обыденному.

(Яковлев В. П.)

В блокаду первым умер отец, он болел еще до войны. Старшие две сестры и брат эвакуировались. Сестра, которая осталась с нами в Ленинграде, умерла от голода. Врач посоветовал маме положить меня в больницу. Наверное, это помогло мне выжить. Когда меня выписали из больницы, нас эвакуировали в Башкирию. Нам повезло еще и в том, что

нас не пустили на баржу, которую в пути разбомбили. Летом 1943 года мы поездом вернулись в блокадный Ленинград. В город в то время не пускали детей, и мама меня прятала: на остановках передавала через окно на улицу, а перед началом движения поезда я снова возвращалась в вагон через окно. Так мы с мамой вернулись домой.

(Капустина В. И.)

Всю войну я вместе с бабушкой прожила в Ленинграде. Она работала на фабрике «Красный парус», которая выпускала канаты для кораблей и другую продукцию. После отработанной смены Вера Ивановна брала меня и шла рыть окопы, снимать фугаски с крыш домов. Я в это время лежала рядом, завернутая, как кукла, так как у меня была сильная дистрофия и атрофия мышц ног. К тому же бабушка боялась меня оставлять одну из-за крыс. Трижды мы пытались эвакуироваться, но каждый раз не удавалось.

(Сидоренко Г. В.)

*Г. В. Сидоренко, 2,5 года,
накануне войны*

Бабушка Г. В. Сидоренко

Тяжело было всем: голод, холод, бомбежки, даже не было воды, не ходил транспорт. Приходилось ходить пешком большие расстояния, и все это при сильнейшей дистрофии. В то время мне было всего 1 год и 2 месяца, тот самый возраст, когда дети ничего не помнят. О блокаде я помню самые незначительные моменты: битые стекла, закрытые подушками окна. Однажды я проснулась и высоко над собой увидела крысу, которая сидела на одеялах и одежде, которыми я была укрыта. От испуга закричала. Мне повезло, взрослые согноли ее. А были случаи, когда крысы калечили малышей. Я дважды училась ходить. Первый раз в мае 1941, второй — в мае 1944 года. Когда перестала ходить, не помню, но вспоминаю, что ползала, опираясь руками, на животе.

(Белобородова Р. В.)

Долгое время блокады дети старались ходить в школу, где учились, но в основном это было сделано для того, чтобы детей можно было подкормить, что-то дать поесть и знать, что они живы. Отец воевал под Шлиссельбургом на печально известном «Невском пяточке», был ранен в боях за освобождение Ленинграда от блокады, мама работала на железной дороге. Все пережили: и холод, и голод, смерть знакомых и незнакомых, близких и родных. В блокаду потеряла дедушку и бабушку, много родственников.

(Воронина Т. М.)

Мама говорила, что было ужасно холодно, топили буржуйку книгами и обоями, чем придется. А нас, детей, пока были вещи, соевым молочком поили. Вещи и отрезы (так называли ткань, купленную на платья, костюмы) меняли на рынке на соевое молоко. Мама говорила, что меня спасло пуховое одеяло. Меня старались не разворачивать, пеленки мама сушила на себе. Завернется в мокрую пеленку, и она (пеленка) высыхала. Ужас. Мама говорила, что всегда брала меня с собой. Если убьют, то хоть вместе. Частые бомбежки были, бегали в бомбоубежище, хорошо, что Московский вокзал был рядом, и там прятались люди от бомбежек.

(Ефимкова Э. Д.)

Уходя на работу, мама оставляла нам по кусочку хлеба. Мы с сестрой все время лежали вместе в кровати, согревая друг друга. Сестра подкармливала меня своим кусочком хлеба, когда я начинала плакать. Делала она это постоянно, и однажды, когда мама пришла с работы, я ей пожаловалась, что сестра обняла меня крепко и не отпускает. Мама переложила ее на другую кровать, а утром, когда она уходила на работу, я попросила ее положить сестренку ко мне, сказав, что мне без нее холодно. У меня начались проблемы со здоровьем, я перестала разговаривать, вставать с постели, появились отеки, и врач посоветовал положить меня в больницу, а после больницы, когда меня поставят на ноги, эвакуироваться.

(Капустина В. И.)

Я окончил первый класс, были каникулы, и мы, дети, не представляли, что такое война. Для нас все было интересно: и бои самолетов, и воздушная тревога, и то, как мы с мамой спускались на первый этаж и отсиживались там (в нашем доме не было бомбоубежища). Отец никогда с нами не спускался, потом и я оставался с ним. <...> Что такое блокада, мы, дети, поняли только тогда, когда наступил ноябрь 1941 года. Соседи по коммуналке перестали общаться на общей кухне. Все замкнулись в своих комнатах, как могли, поддерживали свой быт. Да и на улицах стало меньше людей.

(Журжин Ю. Д.)

Жарков А.Д. среди одноклассников, 4 класс

Село Ириновка, в котором жила семья, находилось в 29 км от Ленинграда и 30 км от Ладожского озера. Зима в 1941–42 годах была очень холодная, морозы стояли ниже минус 40 градусов. В доме от мебели сохранилась только одна кровать, на которой спали семеро малолетних детей. А на полу постоянно спали люди с Ириновского торфопредприятия, которые раскапывали торфяные залежи и готовили добытый торф для транспортировки в Ленинград. Жидкий торф перекачивали по трубам или разливали в специальные емкости, и когда вода стекала и торф немного подсыхал, на телегах отправляли в Ленинград. Потом их сменили дровосеки, которые также заготавливали дрова для отопления Ленинграда. Осенью на пеньках от спиленных деревьев выросло очень много опят, которые стали для нас хорошим подспорьем в еде. Мать работала вольнонаемной — обстирывала 48-й полк, который защищал Синявинские высоты, и, хотя получала паек, как работающая, было очень голодно.

(Клюквина Т. Е.)

В блокадном Ленинграде мы с мамой и младшей сестрой прожили 3,5 месяца до конца декабря 1941 года. Я была маленькая (5 лет), плохо помню подробности, так как вся тяжесть легла на мамины плечи. Помню бомбежки, сирену. Отец нас с сестрой уводил в подвал. Он еще не ушел на фронт. Мама оставалась дома, так как она сильно заболела тифом. В подвале было очень много людей, было очень страшно.

(Кулакова Л. А.)

Помню, как болела и оставалась одна. Лежала на кровати, рядом стоял стул, на нем — кружка с едой (думаю, что в кружке было молоко и размоченный хлеб, другой еды я просто не помню), под стулом горшок. И ведь лежала целые дни одна. Однажды упало одеяло, я не могла его поднять: кровать была высокая, а я очень маленькая. Так и лежала до маминого прихода. Такая была спокойная, или сил не было плакать.

(Макрополова А. В.)

Я смотрела на маму и плакала, мне было страшно. Я говорила мамочке: «Не умирай». Она тоже плакала, обнимала, говорила, что любит нас и чтобы мы слушали тетю Шуру. У нас в Ленинграде было много родных, но все жили далеко друг от друга, и невозможно было видеться.

(Отрешкова В. Д.)

Школы не работали. Учиться мы начали через год. Прекрасная школа №221 на улице Плеханова, около Казанского собора. Замечательные, добрые, чуткие учителя, которые любили нас как своих детей. При авианалетах и обстрелах они выводили нас в бомбоубежище, где продолжали учебный процесс. В школе нам давали скудный завтрак: ложечку чечевичной каши и маленькую булочку.

(Лондон Т. П.)

Мы с братом топили железную печь, жгли мебель, старые книги, журналы, газеты, вообще все, что горело. Жили мы в деревянном частном доме. Потом, когда уже нечего было жечь, мы разобрали полы. Самая младшая сестренка (ей 2 года было тогда) лежала на кровати и все время плакала, да ещё и кричала: «Мама, дай кашу!» Воды не было, мы с братом носили снег и оттаивали его на плите. Находили с ним кости на улицах, жгли в печи, грызли их и давали младшей сестре маленькие кусочки мяса.

(Шведова З. М.)

С 27.07.1941 года постановлением Ленгорисполкома была введена трудовая повинность для всех жителей Ленинграда, начиная с 15-летнего возраста. Несмотря на то, что ему было 14 лет, сразу начал участвовать в копке окопов, противотанковых рвов, уборке картошки, расчистке завалов рухнувших домов. Однажды, уже будучи в ремесленном училище, разгружал на Ладожском озере полузатонувшую баржу с мукой. По графику участвовал в дежурстве на крыше своего дома на Большом проспекте: засыпал зажигательные бомбы песком, сбрасывал с крыши, топил в бочках с водой.

Участвовал в работе группы по борьбе с диверсантами (в группу входили вооруженный милиционер и несколько подростков). В один из дней сентября 1941 года в ходе бомбежки все его товарищи по такой группе погибли, не выполнив приказа милиционера «ложись», сам он был контужен (...) Находился в блокадном Ленинграде по июль 1943 года (Эйсмонт В. Д.)

Зима 1942 года. Страшный голод. По статистике в сутки умирало до 10 000 человек. Кажется, что этому ужасу не будет конца. Несмотря на это, оборонный завод работает — откуда

только берутся силы? А это — злость. Злость на фашистов, и она усиливается — чем нам хуже, тем духом мы сильнее. Весной в городе начали разбивать огороды — капуста, картошка, зелень. Не знаю, многие ли дожили до урожая, но ели молодую траву.

(Кузнецова Н.П)

На учебу и работу Анна Константиновна не смогла поступить, и дальние родственники помогли устроиться в домработницы. Нянчила 3-х малолетних детей. Все невзгоды легли на плечи молодой девочки. Голод и холод, хозяйка на работе, а во время налетов на г. Ленинград нужно было бежать с детьми в бомбоубежище. Не было страха, только чувство, что нужно спасти детей и спастись самой.

(Марина А. К.)

Цех также был разрушен. Работы не стало, не стало и пайка хлеба. Тех, у кого были силы, посылали на разборку деревянных домов и других построек на дрова, которые отправляли в хлебопекарни. Хлеб выпекался каждый день.

(Полевиков В. М.)

Пережившие это чудовищное время не понимали, как смогли выжить. Но одну поучительную историю, которую я слышала от родителей, я хочу рассказать. В нашем доме жила семья: мать, отец и два сына. Когда началась блокада, отец ушел из семьи — переселился на чердак, прихватив с собой мешок с сухарями. Сначала умер отец (сухари не помогли), затем умерла мама, остались мальчики одни и тоже умерли. Погибла вся семья. Я несколько раз слышала этот рассказ, в котором акцент ставился на необходимость сплочения лю-

дей в трудные времена, взаимопомощь и поддержку друг друга, что помогает выдержать невзгоды и выстоять.

(Белобородова Р. В.)

Отец сказал моей матери, что мы его объедаем, и отвалился от нас — забрал себе свои хлебные карточки. А вскоре у нас пропали наши хлебные карточки, и отец сказал, что нужно сообщить в милицию. Мать сказала о пропаже карточек бывшей заведующей детсадом, с которой они были дружны и которая жила недалеко от нашего дома. Она спросила о том, хорошие ли у матери отношения с мужем. Мать ответила, что отношения плохие, и заведующая посоветовала последить за моим отцом. Мать предложила последить за ним моему брату, и он через какое-то время обнаружил карточки в туалетной комнате на нашем этаже, за порванными обоями. Мы — мать, мой брат и я — неделю не получали ни крошки хлеба. Мать сказала моему отцу, что он ей больше не муж и детям не отец, раз он решил уморить нас голодом, чтоб только выжить самому.

Мать заболела дизентерией, а потом и воспалением мочевого пузыря, и когда боли в мочевом пузыре стали нестерпимыми, она пошла в поликлинику. Очереди к врачам были очень большие, но медсестра, проходя по коридору, увидела состояние моей матери и провела ее к врачу. Врач смочила марлю каким-то лекарством и положила на область мочевого пузыря. Острая боль утихла, и мать тут же уснула. Врач не беспокоила ее, продолжая принимать больных. Дизентерия же не отступала, и по дороге из поликлиники домой мать вынуждена была испражняться на краю воронки от авиабомбы. Стеснительности не было уже никакой, хотя рядом проходили люди. <...>

Мы приехали в Фенево к моей бабушке. Когда моя мать мылась вместе с моей бабушкой в деревенской бане, то кто их тогда видел, говорили, что моя мать казалась матерью моей бабушки. А моей матери было тогда лишь около 40 лет.

(Горшков В. В.)

Мне запомнился случай, когда к моей напарнице Вале Ястребовой обратилась женщина с двумя маленькими детьми. Они были настолько исхудавшими, что кости сквозь кожу просвечивали. Она сказала Вале: «Дочка, дай мне побольше талончиков». Валя ответила ей: «Бабушка, я не могу дать тебе больше — эвакуированных много, и накормить надо всех». Тогда эта женщина назвала мою подругу по имени: «Валя, ты меня не узнала?» Валя вскрикнула: «Мама, ты что ли?» — и заплакала. Родная дочь не узнала мать с сестрами, настолько они были изможденными.

(Мелюшкина Т. П.)

«Каждый день умирали люди...»

*Нам, живущим, не понять,
Что чувствовал ребёнок, угасая,
Везя на санках умершую мать
И губы от бессилия кусая...*

(Г. Станиславская)

Я помню, как умирали люди. Они молча лежали на кровати, на них была набросана куча тряпок, чтобы согреться. Они не стонали, не говорили, ничего не просили — тихо уходили из жизни.

(Журжин Ю. Д.)

Матери приходилось возить продукцию совхоза в Ленинград, и однажды она взяла меня с собой. В городе мы увидели жуткую картину — грузовик с открытыми бортами медленно двигался, и на него собирали с улиц тела умерших, с краю машины лежала молодая женщина, ее длинная русая коса свисала до самой земли.

(Маркова Л.Я)

2 марта 1942 года умер мой брат Михаил, 1932 г.р. Мама очень плакала — это был ее любимый сын. Больше недели мы не хоронили Мишу. Но потом снег на улице стоял, и мы решились. Связали двое детских санок. Мама зашила тело в простыню. С трудом мы положили его на санки и, не знаю как, вытащили всё на улицу. Повезли на приемный пункт недалеко от дома. Там сдали документы, и нам показали, куда положить брата. Мы с мамой увидели гору мертвецов — раздетых и зашитых в простыни, положили с краю тело. Домой маму я уводила вся в слезах.

(Логунова Н.А.)

В 1941 г. от голода умерли младшие брат и сестра. Их тела завернули в простыню и на санках отвезли к месту захоронения, в большую братскую могилу на Большой Охте. Отец работал на заводе, но так как транспорт не ходил, добираться туда приходилось пешком. Однажды по пути на работу он и умер от истощения. Завод помог похоронить его на кладбище.

Старшего брата призвали на фронт, на прорыв блокады Ленинграда. После войны пришло извещение — пропал без вести. Мама умерла от гнойного плеврита. Знакомые помогли ее похоронить. Я осталась одна.

(Кузнецова А. М.)

Что самое страшное запомнилось — когда подали машину под эвакуацию, бабушка повела меня и сестру Любу на веранду попрощаться с Соней и Алей, а туда нас взрослые раньше не пускали, так как с одной стороны штабелями там были уложены покойники головами к стене. Баба Толя рукой показала нам ножки Сони и маленькие ножки Али у самого окна.

(Пушков Е.П.)

На начало войны мама была беременная. После одной из бомбежек у нее начались преждевременные роды, и родилась семимесячная девочка. Молока у мамы не было, так как уже был голод. Мама пыталась спасти девочку, жевала хлеб, кормила. Но девочка прожила всего неделю и умерла. И мы видели, как она умирает. Мама пошла искать место, где бы ее похоронить, но получила в ответ: «Убила девочку! Да тебя посадить надо!» Такие были времена. Тогда она пришла в одну из больниц, попросила сторожа, чтобы оставил

девочку для захоронения. Тот человек, видимо, был добрый, вошел в положение и разрешил оставить, сказав: «У нас тут много приносят, кладки сюда, дочка».

(Никифорова Л. В.)

9 января 1942 года умерла наша бабушка, а 13 марта 1942 года умерла наша мама. Утром зашили маму в простыню и при помощи доброй соседки вынесли ее на санки и повезли в морг. По дороге встретилось много таких же санок. Отстояв в очереди, мы сдали паспорт умершей и получили талон, по которому у нас приняли маму. Два человека забросили ее на очень большую гору трупов. Все увиденное у меня до сих пор перед глазами. Через несколько дней умерла наша соседка, а через день и ее 17-летняя дочь. Я попросила дворничиху помочь вынести их в прачечную, но она была так слаба, что не смогла нам помочь. Нам с сестрой несколько дней пришлось жить рядом с умершей.

(Перова А. А.)

Мы с мамой свезли наших мальчишек на кладбище, там завалили их снегом — копать могилу сил не было. Пока мы шли, я видела, как по улице ехала машина, и в нее подбирали мертвых. Их тоже везли на кладбище и хоронили в братских могилах, для которых военные саперы взрывали землю.

(Петухова Л. М.)

Мать, Карпова Мария Степановна, 1919 года рождения, умерла от голода в блокадном Ленинграде в 1942 году. Следом за мамой в этом же году умер от голода и мой дед (ее отец) Семён Карпов, участник финской войны, инвалид (был

ранен, потерял ногу). Волонтёры нашли его в квартире мёртвым со мною на руках. Хотели вынести нас вместе, но я пошевелилась и осталась жива.

(Сидоренко Г. В.)

Люди умирали каждый день. У нас умерли сразу бабушка, дедушка и маленький братик. Хоронили без гроба.

(Годунова Ю. В.)

Мама все время боялась покойников. А у нас в квартире умер мужчина, и его положили в коридоре, он замерз, а его не отдавали хоронить, так как карточки на хлеб у соседей бы отняли. Так он лежал почти месяц. Мама говорила, что страха уже не было, просто его переступали, боялись запнуться, потому что сил не было перешагнуть.

(Ефимкова Э. Д.)

По деревне постоянно проезжали телеги, нагруженные трупами, которые хоронили за деревней. За годы блокады там образовалось огромное кладбище.

(Клюквина Т. Е.)

В общежитиях часто умирали люди, и их выносили вместе с койками на улицу. Летом и осенью уборкой трупов занимались солдаты, а зимой трупы на улице находились неделями и месяцами. Люди часто падали на снег, но помощь приходила редко. Попытки помочь другому часто заканчивались гибелью самого человека.

(Лялин Ю. Г.)

У папиной сестры муж работал на заводе и однажды не пришел домой. Тетя пошла на завод узнать, что с ним.

Ей сказали, что ему стало плохо и он умер. Тете нужно было его увидеть. Ей открыли сарай, а там сложены люди штабелями. Головы, ноги, головы, ноги (...). Ей стало плохо, она потеряла сознание.

(Отрешкова В. Д.)

А спустя какое-то время у нас и отец умер от голода. Остались мы — три сестры. У меня уже не было сил ходить, я лежала. Младшая сестра была без сознания несколько дней и вскоре умерла. Однажды старшая сестра закрыла меня потеплее на кровати и ушла. Приехали на повозке люди, которые увозили покойников, погрузили наших отца, мать, сестру и брата и увезли хоронить в братскую могилу.

(Шведова З. М.)

9.01.1942 умерла от голода младшая сестренка. Был сильный мороз. Положили в чемодан подушку, уложили трупик малютки, на детских санках отвезли в сторону кладбища, но не довезли: закопали чемодан на Крестовском острове в небольшой ямке, забросали снегом. После похорон сестренки отморозил ноги: ноги примерзли к ботинкам, снял ботинки с кожей. До весны раны так и не затянулись. Руки покрылись черными пятнами, кровоточили десны. Этой зимой умерли два двоюродных брата (14 и 8 лет). Умерли после похорон своего отца (мать, оба брата повезли отца на кладбище, но гроб из-за недостатка сил не довезли до кладбища, вернулись домой, сели на кровать и умерли).

(Эйсмонт В. Д.)*

* Супруга В. Д. Эйсмонта — Надежда Ивановна, 1934 г.р., жила с отцом на Охте. В 1942 году ее вывезли из блокадного Ленинграда по Дороге жизни в Барнаул

«Люди не делили детей на своих и чужих...»

*Так, день за днем, без жалобы, без стоны,
невольный вздох — и тот в груди сдавив,
они творили новые законы
людского счастья и людской любви.*
(О. Берггольц)

Всё это можно было пережить в блокадном Ленинграде благодаря тому, что все люди были объединены одной целью — победить врага. Каждый делал для этого всё, что только он мог. Люди не делили детей на своих и чужих. Отдавали всё, делились последним. И горе, и радость были общими. Никто не думал о наградах, всё делали ради страны, ради будущего. В самые трудные времена спасли детей, и всё это ради нашего будущего.

(Сидоренко Г. В.)

Тамара Михайловна считает, что выжить им помогло то, что в части был большой погреб, где они прятались при обстрелах. И ещё то, что солдаты из части, которые уходили на фронт, оставляли крупы из своего сухого пайка. Эти солдаты спасли их от неминуемой смерти от голода. Ещё в части была конюшня, где иногда выдавали жмых, который люди честно делили на всех оставшихся в части.

(Воронина Т. М.)

В 1942 г. нас с тетей эвакуировали через Ладогу. Помню, как матрос дал мне кусочек хлеба. Этот кусочек я помню до сих пор.

(Воронцова Т. А.)

Тетя Маруся потеряла карточки (наверное, вытащили), потому что карточки старались спрятать подальше. Так вот, мама со мной и тетя Маруся с Ниночкой пошли в военкомат и сидели там долго. Все равно без карточек не выжить. Как-то военные собрали или уж получили новые, мама плохо помнит, и дали до конца месяца карточки. Этот страх она помнила до смерти.

За все, что дали нам родители, за все, что им пришлось испытать, — низкий поклон им, всегда помнили и будем помнить, пока живы. Часто вспоминаю слова мамы: «Доченька! Мне до сих пор не верится, что мы с тобой живы!»

(Капустина В. И.)

В блокадном Ленинграде поступила учиться в ремесленное училище. После его окончания работала слесарем 4-го разряда на судоремонтном заводе, где ремонтировали катера, подводные лодки, делали петли для ящиков под снаряды.

(Кузнецова А.М.)

Из репродукторов звучали призывы сохранять спокойствие и делать все возможное и невозможное для победы над врагом. Часто звучали стихи Ольги Берггольц, посвященные жителям Ленинграда и его защитникам. Все дома нашего микрорайона были деревянные, каркасно-засыпного типа. Во всех квартирах и общежитиях на видных местах был инструмент для экстренного открытия дверей и окон на случай эвакуации. Мы, и дети и взрослые, по графику дежурили у жилых домов и принимали активное участие в тушении пожаров и зажигательных бомб. У каждого из домов были щитки с ведрами, топорами, клещами и лопатами.

(Лялин Ю. Г.)

Мужественно и стойко боролась с тяжелейшими условиями блокады. Несмотря на слабость, ходила вместе со взрослыми гасить фугасные бомбы на чердаке при авианалетах.

(Агальцева Н. Н.)

«Мамы наши шли пешком по льду за машинами...»

*Связать не могу я обрывки из тех кинолент,
Что в память вместило мое восьмилетнее сердце.
Лишенный тепла, на ветру задубевший брезент,
Трехтонки поношенной настежь раскрытая дверца.*

*Глухими ударами била в колеса вода,
Гремели разрывы, калеча усталые уши.*
(А. Городницкий)

В начале апреля 1942 года сестра погрузила меня на санки и куда-то повезла. Я очнулась, когда сестра и какой-то мужчина посадили меня в машину, полную людей. Оказалось, что нас везли по Дороге жизни, по Ладожскому озеру. Кругом стрельба, летали вражеские самолеты... Нам повезло: мы сумели проскочить. По приезду нас поместили в теплушки и стали кормить. В рядом стоящих составах ехали наши солдаты на фронт, они и подходили к нам с котелками, кормили кашей и поили чаем. Нас повезли в Череповец.

(Шведова З. М.)

Из Ленинграда нас вывозили на корабле летом 1942 года. Немцы расстреливали корабль, многие дети и взрослые погибли. Было очень страшно. Я получила ранения в голову и ногу, из-за которых у меня отказали ноги, и я полтора года не могла ходить. После корабля нас пересадили на поезд, а после прибытия на место переносили на носилках, так как от голода, травм и длинной дороги мы не могли идти сами.

(Аркина В. И.)

Мне было 4 года, когда в 1942 году мы уезжали из Ленинграда. Нас погрузили в грузовик, туда же закинули и сундуки с вещами. Уехали мы без документов. Помню, что было голодно и страшно. А потерянные документы маме восстановить не удалось, и всю жизнь она проработала за трудодни.

(Концевая Т.Н.)

Через Ладожское озеро нас везли на трех катерах. Два катера разбомбили. Тонувших людей мы не смогли спасти, и все они погибли.

(Петюлько Л.А.)

Как только началась война, сразу начали эвакуировать детей из города. В нашей квартире соседи отправили двоих детей в эвакуацию, и я видел, как умирали эти соседи. <...> А в августе 1942 года нас с мамой вывезли, у меня до сих пор хранится справка от врача о том, что я подлежу эвакуации. Уже потом я узнал, что командующий Ленинградским фронтом Говоров издал приказ о срочной эвакуации детей, чтобы не оставлять их еще на зиму. Никто не знал, что будет впереди.

(Журжин Ю.Д.)

В июле 1942 года мы получили повестки на эвакуацию, но мать почему-то не хотела уезжать. Но когда приехала полуторка и меня с сестрами повезли к пристани, мама ушла с работы и догнала нас. Посадка на пароходы проходила под постоянной бомбежкой с немецких самолетов. Народу на пристани было много, кругом крики, плач, разрывы снарядов. Бомбежка осложняла погрузку: люди то прятались, то возвращались. Когда подошла наша очередь садиться на пароход,

матрос нас не пустил, так как был перегруз судна. Потом оказалось, что нам повезло, — этот пароход, как и два предыдущих, затонули от прямого попадания бомбы.

Переплыли Ладожское озеро, нас посадили на телеги и повезли в село Белехово Рослятинского района. Здесь мы прожили до весны 1944 года, пока наш дед Павел Федорович не разыскал нас и не перевез в Череповец.

Калинина (Суворова) М.И.*

В марте 1942 года умер папа — инженер судостроительного завода, а в мае нас эвакуировали. Направление было к тете в Ярославскую область. Почему-то в памяти не осталось, каким образом мы перебрались через Ладожское озеро, а вот поезд хорошо запомнила. Вагон был маленький, крытый. Народу было очень много, сидели вплотную на полу. Ехали молча, видимо, не было сил даже говорить. Помню, я внимательно смотрела на одну женщину. Она уловила мой голодный взгляд и подала нашей маме кусочек хлеба. Сейчас я часто вспоминаю это. Возможно, она вспомнила своих детей, которые не выжили. Кажется, ничего в ее поступке особенного нет, если не учитывать, что голодная женщина отрывает от себя кусок хлеба, чтобы накормить чужих детей. Вот вам сила духа, стремление помочь и поддержать других.

(Павлова Л. И.)

В конце марта 1942 года через члена городского Совета

* Сестры Суворовы — Маша, Таня и Зоя эвакуировались из блокадного Ленинграда вместе с мамой. Все вместе жили в Череповце, выросли, создали семьи, работали всю жизнь на ОАО «Северсталь», за ними туда пришли их дети, и продолжается трудовая семейная династия.

народных депутатов г. Ленинграда матери удалось получить документы на эвакуацию. На Финляндском вокзале нам выдали хлеба на дорогу и посадили в поезд. До Борисовой Гривы мы ехали в товарном вагоне, который в народе прозвали «телятником». В Борисовой Гриве нас посадили в автобусы. В нашем автобусе все окна, кроме переднего, были выбиты и заколочены фанерой. Мы ехали, укрывшись с головой ватным одеялом. Это был уже лед Ладожского озера. Впоследствии эта дорога была названа Дорогой жизни. Наконец мы на месте. Это глухая деревня Щетниково в Ярославской области. Мы у дальних родственников. Все жители деревни сбежались посмотреть на эвакуированных. Глядя на нас, больных и распухших от голода, женщины плакали. Все пытались нам помочь и приносили продукты питания, кто что мог. Я бесконечно благодарен всем, кто нам помогал: военным, руководству завода, жителям деревни Щетниково Даниловского района Ярославской области.

(Яковлев В. П.)

Я мало что помню. Семью эвакуировали летом 1942 года. Сначала под обстрелом плыли на баржах по Ладоге, потом ехали на поезде. В пути мама умерла, и нас, троих детей разного возраста, в Вологде сняли с поезда. Определили сначала в детприемник, а затем — по разным детдомам. Меня направили в Фоминский детский дом.

(Вдовиченко Б.А.)

Когда началась война, мне было 13 лет. Нас у мамы было

четверо, и я — самая старшая. Блокаду братья и сестры не пережили. При эвакуации из Ленинграда мама скончалась по дороге от туберкулеза. Я осталась одна...

(Комлева А.А.)

В 1942 году дочь бабушки, моя тётя Сергеева Антонина Афанасьевна, 1914 года рождения, должна была эвакуироваться вместе с детским садом. Бабушка вместе со мной пошла ее провожать. На наших глазах автобус с детьми и моей тётей ушел под воду. Вот после этого случая бабушка не захотела покидать Ленинград. В марте 1944 года её всё-таки уговорили уехать вместе с другими работниками фабрики. У Веры Ивановны к этому времени развилась такая сильная водянка, что нельзя было даже пальцем прикоснуться к телу, оставались вмятины. Меня не выпускали из города, сказали, что не жилец. Бабушка завернула меня в подушку и вместо груза пронесла в теплушку. Никто не выдал. По дороге наш поезд немцы расстреляли просто в упор. Из всего состава осталось в живых человек 30. Идти никто не мог, не было сил двигаться. На наше счастье нас увидела проходящая мимо женщина. Она вернулась, приведя на помощь других женщин. Они нас всех подобрали и на телегах вручную, без лошадей, привезли в свою деревню. Так мы оказались в селе Левокумка Ставропольского края. Нас приютила женщина, у которой было своих семь детей и пятеро — приемных. Она нас выжила. Меня возили лечиться в Кисловодск и Ессентуки. Врачи делали всё возможное для того, чтобы вылечить меня: грязи, массаж и прочие процедуры.

(Сидоренко Г. В.)

Когда началась война Германии с Советским Союзом и

немецкие войска стали продвигаться в сторону Ленинграда, а наши войска терпели поражение и отступали, руководство города, опасаясь захвата города противником и больших жертв жителей при боях за город, решило прежде всего эвакуировать детей в ближайший тыл. Когда наши войска остановили продвижение немцев на оборонительном рубеже под г. Луга и установилось некоторое кажущееся затишье в боях, многие матери поехали разыскивать по адресам своих эвакуированных детей и забирали их домой. Приехала и моя мать. Отыскала она меня на станции Ефимовская Октябрьской железной дороги (на полпути от Ленинграда до Череповца), где находились детсадовские ребяташки; а брат находился в некотором отдалении от Ефимовской — в поселке Сомино, где размещались школьники. По пути к Сомино нас подвез мужчина, что вёз тёс на телеге, но, не доезжая до Сомино, повернул в свою деревню, и оставшийся путь мы прошли пешком. Школьники размещались в одноэтажном кирпичном здании школы, матрасы были постелены на полу. Мать заметила, что по матрасам ползало много вшей, и велела ребятам вынести матрасы на песчаный берег реки, что была неподалеку, а сама вымыла пол в помещении. Вши стали собираться в кучки под матрасами и уходить в песок.

По путям эвакуации нас дважды пересаживали с машины на поезд и снова — на автомашины, и вот, когда нас погрузили в товарные вагоны, еще до Ладожского озера, вдоль вагонов шли две женщины из санитарной дружины и вели под руки девушку лет 18–20-ти, которая еле передвигала ноги. Ее подняли и положили на пол нашего вагона. На нее набросилась с бранью одна из женщин в нашем вагоне: «Как

тебе не стыдно! Такая молодая, и довела себя до такого состояния!» Как будто она была виновата в своей дистрофии!? Как говорится, сытый голодного не разумеет. А все дело в том, что многие офицеры посылали с фронта свои офицерские продовольственные аттестаты своим родным, а сами питались от солдатской кухни. И эти аттестаты в обязательном порядке обеспечивались продовольствием. Как видно, эта женщина была из семьи офицера и не голодала. Эта же женщина, когда мать на ходу поезда выставила меня в проем двери пописать и несколько капель упало на пол вагона, схватила у моей матери с головы берет и вытерла им пол.

Эвакуировались мы в апреле месяце 1942 года и, когда ехали в машинах по Ладогe, в колеях уже стояла вода. Были случаи, что машины попадали в полыньи от бомбежки и уходили вместе с людьми под воду.

Нас выгружали возле железной дороги, у полотна которой были сплошные кучи оттаивающих человеческих фекалий, так что мать не знала, куда положить узлы с одеждой — здесь прошли многие тысячи дизентерийных блокадных дистрофиков. На эвакуационных пунктах нас стали кормить: выдавали по эвакуационным листам перловую кашу с мясом. Поезда приходилось долго дожидаться. Были налеты немецкой авиации, и многие люди убегали в лес от бомбежки. Брат где-то был далеко, и матери пришлось оставить меня сидеть на узлах, чтоб пойти получить паек. Я был сильно укутан от холода, а мне захотелось помочиться, и я заплакал. Какая-то женщина поблизости поняла, в чем дело, и помогла мне управиться с моей нуждой. Было холодно, а наступала ночь, и мать повела меня в железнодорожную сторожку. Когда она открыла дверь, то

увидела, что там народу было не протолкнуться. Хозяйка сторожки сказала, что она сможет принять одного человека, если у него есть соль. У матери оказался маленький мешочек соли, и меня на руках передали в дальний угол печки.

Опасались эпидемий, и на одном из эвакуационных пунктов была организована баня. Мылись в одном помещении бани старики, женщины и дети одновременно, а одежда выжаривалась в горячих дезинфекционных камерах.

Поезд наш направлялся то ли в Омск, то ли в Томск, но мы сошли с поезда в Череповце, потому что мать была родом из деревни Фенево — в 20-ти км от Череповца, где жила ее мать с невесткой и внуком. В Череповце вдоль вагонов ходили

санитарные дружины и выносили из вагонов умерших в пути, а тех, кто еле дышал, отправляли в эвакогоспитали, что размещались во всех пригодных для этого зданиях.

(Горшков В. В.)

Началась эвакуация по Дороге жизни — дороге надежды. 28 февраля 1942 г. выехали и мы с мамой. Ехали на открытом грузовике под бомбежкой. Когда добрались до берега, у соседки девочка уже была на руках мертвой. Нас довезли до Волховстроя, посадили в «теплушки» поезда, идущего по направлению на Вологду. На каждой станции выгружали мертвых людей, было страшно. Так мы добрались до Череповца. Здесь нас встретил дедушка — Пичугин Василий Петрович (мамин отец, у которого в 1941 г. погибли на фронте два сына) и увез нас в д. Федосово Коротовского сельсовета Череповецкого района.

(Еремина Э. И.)

Вывозили нас уже весной, почти летом. Маму отправили, чтобы она нашла молока для нас, но пока она бегала, поезд ушел, и бабушка, тетя Маруся, Ниночка и я уехали. Через сутки уехала и мама, без документов, так как документы мамины украли в поезде у тети Маруси. Паспорт получала уже по эвакуационному удостоверению. (...) Уже повзрослев, я встретила по работе Жильцова Леонида. Работали вместе, он тоже блокадник, но был старше меня. Ему уже было 15 лет, когда их, ремесленников, вывозили из Ленинграда. В поезде дали по одной буханке хлеба. Воспитатель бегал и отнимал хлеб у ребят, чтобы они много не съели, так как есть им сильно

хотелось. А когда стали есть, то не могли остановиться. Так из группы осталось, вроде, 3 человека, а было 15 человек. От заворота кишок все умерли. Леонид говорил, что ему жизнь спас этот воспитатель. Давал почаще, но понемногу этого хлеба. Страшно все это слушать.

(Ефимкова Э. Д.)

Нас эвакуировали в Башкирию. По дороге в Башкирию мы с мамой чуть не погибли. Спасло нас то, что мы опоздали на баржу, на которой должны были ехать. В баржу эту попала бомба во время бомбежки. В эвакуации мы жили в деревне под Уфой. Выполнять крестьянскую работу мама не могла по здоровью, жилья постоянного не было. Потом мама рассказывала, что в эвакуации нам было не лучше, чем в блокадном Ленинграде. Она очень жалела, что уехала оттуда, и через какое-то время стала собираться в Ленинград обратно. Въезд в город с детьми был еще запрещен, но мы, как потом говорила мама, домой не ехали, а пробирались. По дороге она меня прятала под лавку, на остановках высаживала на перрон через окно, перед началом движения поезда я снова возвращалась в вагон через окно. Но однажды на одной остановке меня все-таки обнаружили. Нас высадили с поезда и доставили в милицейский пункт к дежурному по вокзалу. Мужчина попался добрый, он спросил меня: «Куда же ты, девочка, едешь?» — «Я домой хочу, к папе, он лежит на кровати и ждет нас» — ответила я. Дежурный вручил мне буханку хлеба, посадил нас на следующий поезд, и мы с мамой дальше поехали домой.

(Капустина В. И.)

На следующий день сестра одела маму, брата и меня и

повезла на станцию Всеволожская. Брата посадила на саночки, маму сестра поддерживала. Сколько я прошла, не знаю. Упала. Руки, ноги раскинула в разные стороны. И не могла ничего сказать, так как не было уже речи. Зина, сестра, плачет, идет поднимать меня, говорит: «Я никак сама не могу». Притащила волоком, положила на санки и повезла. Позднее подали товарняк, погрузили нас и привезли к Ладожскому озеру. Здесь уже была открыта Дорога жизни. С большой земли везли продукты в Ленинград, а обратно везли эвакуированных. Как только нас привезли, сразу накормили горячим обедом. На первое — болтушка, на второе — чечевичная каша и чай. Хлеб дали белый, по 200 гр. Через какое-то время у меня появился голос.

(Колодько К. А.)

Когда ехали по Ладожскому озеру, по льду, машины иногда бомбили, многие проваливались под лед. Помню, что нас, детей, была полная машина. Моей сестре, ей было около 4-х лет, было очень плохо из-за слабости. Мамы шли пешком по льду за машинами, чтобы машины были легче. Была метель, и было очень холодно. Но мы чудом добрались до берега. Папа нас эвакуировал по Дороге жизни, по Ладоге, в Вологодскую область к своим родителям в д. Семеново. Там мы и жили до конца войны.

(Кулакова Л. А.)

Весь путь от Финляндского вокзала до Ладожского озера — по узкоколейной железной дороге, через Ладогу до города Тихвина — на автомашинах и по железной дороге. На всем этом пути были посты, пункты помощи, регулировщики

движения, зенитные установки и т.д. Дверцы кабин автомашин были открыты. Опасные места для транспорта и их объезды были обозначены. На фарах автомобилей с целью маскировки были специальные колпаки с узкими прорезями для света фар.

В г. Тихвине в столовой предоставили бесплатное питание. Через несколько часов подали состав, где были пассажирские вагоны, и мы благополучно доехали до г. Череповца. Из Череповца на тракторных санях нас довезли до г. Белозерска. Из Белозерска до д. Карл-Либкнехт — на перекладных конных повозках. На всем пути обеспечивали питанием. К великому сожалению, на всем пути эвакуации были и невозвратные потери. Всех умерших в пути следования передавали местным властям для погребения.

(Лялин Ю. Г.)

В августе 1941 года отца взяли в армию, он уехал в Выборг, мать провожала его. Больше отца мы не видели. Он погиб в 1943 году во время прорыва блокады Ленинграда. Здесь стало жить тоже опасно, и нам предложили уехать в сторону Ленинграда. Проехали около суток, на какой-то станции стоял поезд для эвакуированных, мы с бабушкой сели в поезд, а мама на лошади (к повозке была привязана корова) поехала за нами. Поезд шел очень медленно, до станции Мга не доехали, так как она была уже занята немцами. Нам предложили вернуться в Ленинград. Эшелон стали переправлять на ст. Мельничий Ручей. Потом довезли до станции Рахья. Здесь нас выгрузили. Здесь на вокзале умерла младшая сестренка Тамара. Мы с бабушкой жили на вокзале. Мама потерялась. Как потом выяснилось, она попала на ст. Ладога, там ее поса-

дили на баржу. Корову пришлось сдать. Потом на поезде она уехала в Уломский район, в деревню Заречье.

Всех, кто жил на вокзале, комендант переписал, нас погрузили на платформы и по узкоколейке отправили в какой-то поселок. Это был поселок торфоразработчиков. Он был пустой. Нас поселили в бараке, выдали карточки, немного крупы, спички. Здесь мы прожили до начала 1942 года. Бабушка болела. Как старший, я ходил в магазинчик за лесом отovarивать карточки. Однажды я на заброшенном поле взял 3 кочана капусты, бабушка засолила их. Сестры болели, было голодно. В феврале 1942 года я пошел в сельсовет, туда, где отovarивал карточки. Я заплакал и сказал, что сестры опухают от голода. Мне дали справку о том, что мы эвакуированные, и буханку хлеба (...)

Бабушку мы посадили в кабину, сами залезли в кузов. Нас закрыли брезентом, чтобы было теплее, всего в кузове было 10 человек. Мы опять ехали в сторону Ладоги. В пути встретились военные, нас посадили в теплушку, дали по лепешке. Так мы переправились через Ладогу.

В Волховстрое нам дали щи в котелке. По справке мы доехали до Череповца. Бабушка на коленках поползла на вокзал. Там легла на лавку. Народ лежал везде: и на лавках, и на полу. Здесь немного кормили. Если придешь с котелком, то давали похлебку. Так мы прожили на вокзале дней пять. Потом приехал сосед из деревни Заречье забирать своих. Он-то и сообщил маме, что мы на вокзале. Мама приехала за нами, и мы поехали в деревню Заречье Дмитровского сельсовета. В пути была остановка в Коротове, дали нам пустой дом, чтобы мы могли отдохнуть. Нас, детей, посадили на печь, и мы

сразу уснули. А утром узнали, что бабушка умерла. Мама отвезла нас в деревню, а потом вернулась хоронить бабушку.

(Назарков П. А.)

В конце марта мама получила письмо из Череповца от старшей сестры. Она писала, что отца провозили через Череповец и она его видела. Он был ранен, и его везли в тыл. Он велел маме, если есть возможность, ехать в Череповец. И вот 1 апреля 1942 года нас эвакуировали через Ладогу на машинах. Нам выдали сухой паек на целый месяц. Пока мама оформляла какие-то документы, я съел полбуханки хлеба и полкольца копченой колбасы. Во время переезда на машине через Ладогу мы попали под артобстрел, машину кидало из стороны в сторону, и меня вырвало. Это, по-видимому, и спасло меня от верной смерти. Ехали мы целый месяц, и из этого

времени — до приезда в Кадуй — ничего не помню.

Мы стояли 3 или 4 дня, аттестат продовольственный кончился, и нас уже не кормили — считалось, что мы приехали. Маме пришлось обменять новый отцов бостоновый костюм за шесть вареных картошин.

(Пиков Е. К.)

Еще помню, как мама вывозила нас на машине по Дороге жизни, мы были чуть живые с сестрой. А до этого из Ленинграда на автобусе эвакуировали детей. Сбор был на какой-то площади. Рев стоял жуткий, детей буквально отрывали от матерей, сажали в автобус и увозили. Мы приехали в Малую Вишеру. Жили в какой-то комнате. Нас накормили, и тут у многих детей заболел живот. На другой день нас куда-то повели через поле, а немцы из самолета стали нас расстреливать пулеметными очередями. Воспитатели закрывали нас ящиками, коробками и своими телами. Когда самолеты улетели, оказалось, что многие дети погибли и остались лежать на поле. К вечеру нас погрузили в теплушки, чтобы вывезти за Урал. На наше счастье за нами приехала мама и вытащила нас уже из теплушки. Позднее мы узнали, что этот эшелон расстреляли немцы и почти все дети погибли.

(Алешина А. П.)

Когда открылась Дорога жизни, нас отправили по Ладозге, а потом посадили в поезд до Галича. По дороге потеряли сестру — она умерла. Из Галича поехали в Солигалич на лошадях. В Солигаличе были родственники, жила бабушка, и у нее была корова, ну и мы ожили. Мама стала работать

в колхозе, а я пошла в школу учиться.

(Рябикова В. П.)

До весны мы дожили, конечно, благодаря пайку, который отдавал нам отец. Но сам папа весной попал в госпиталь от дистрофии. После этого на предприятии ему поставили условие — эвакуировать семью (чтобы нас не было в городе). В августе 1942 года нас эвакуировали по Ладоге. Были списки, кто и когда должен был выехать. Успел или не успел собраться — приедет милиция, затолкают в машину и везут. Мама собрала два узла (все тогда так делали, чемоданы редко кто использовал) — личные вещи и то, что в будущем можно было бы обменять на еду или продать. На Ладоге в день нашей отправки штормило, и мама все время отодвигалась в очереди, пропуская людей вперед. Мама плохо плавала и понимала, что если наше судно потопят, то ей не спасти ни нас, ни себя. Но все обошлось, нас не разбомбили. И мы благополучно высадились на безопасном берегу.

Дальше была очень долгая дорога к месту назначения. На станциях нас кормили. Запомнила пшеничную кашу (желтую и вкусную), которую дали на станции с высоченными потолками. Порядок был такой: сел, съел — уступи место следующему. И мама посадила сначала меня, потом Зинку, а потом поела и сама.

Везли нас в Сибирь. И пять женщин (все с детьми), в их числе и моя мама, сговорились сойти с поезда, чтобы не ехать далеко. Так мы оказались в Чебоксарах, в Чувашии. Из Ленинграда мы выехали примерно, 10–13 августа, а когда сошли с поезда, всюду лежал снег. Много снега. Наверное,

был ноябрь. Женщины стали искать, кто бы их взял на житье. Взял один из колхозов, в 40 км от Чебоксар. Нас с узлами погрузили на повозки, запряженные лошадьми, и повезли в колхоз. Когда добрались до места, то шли по тропинкам, напоминавшим, скорее, тоннели в снегу выше маминого роста — так его было много.

(Никифорова Л. В.)

«Немцы поливали нас шквалом свинца...»

*Смотри — материнской тоской полна,
за дымной грядой осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.
(О.Берггольц)*

Полигон находился в 14 км к северу от Ленинграда, в районе станции Ржевка. Начинаясь война, и полигон преобразовали в действующую часть. Уже 8 сентября исполняли приказ стрелять по немцам. К этому времени враг взял Мгу.

К началу войны Костыгов был воентехником I ранга. Он самостоятельно проводил испытания новых снарядов. С 8 сентября началась блокада Ленинграда. Всех сотрудников полигона сразу же перевели на казарменное положение. Передний край был от них примерно в 40–50 километрах.

Сначала обстрелы и бомбежки каким-то образом миновали полигон: основную бомбовую нагрузку принимал на себя город. Самолеты летели в Финляндию, там заправлялись и снова принимались бомбить. Очень сильный налет был 19 сентября, в этот раз досталось и полигону. К марту обстрелы и бомбежки заметно активизировались. Возле поселка стояли эшелоны с боеприпасами, и однажды от прямого попадания авиабомбы они взлетели на воздух, а воронка от взрыва была шириной до полукилометра. От поселка почти ничего не осталось, погибло очень много людей, раненых увозили в Ленинград.

В это время испытательные работы на полигоне проводились в бетонных укрытиях, сотрудники усиленно занима-

лись разработками новых видов оружия. А вот питание у них, как, впрочем, и у всех ленинградцев, было довольно скудное: работающие на производстве получали по 250, военнослужащие по 300 граммов хлеба, члены их семей — по 120. И так продолжалось до 20 февраля 1942 года. Кроме хлеба, выдавали картошку, капусту, но тоже в ограниченных количествах. Все сотрудники полигона ужасно исхудали, но продолжали трудиться почти что круглосуточно. Все ленинградские предприятия перешли на выпуск военной продукции, а это означало, что нагрузка на полигон резко возросла. От перенапряжения и недостаточного питания нередко случались голодные обмороки. От голода умерли многие работники полигона.

Но, несмотря ни на что, полигон продолжал работать. В феврале начала действовать Дорога жизни, и ленинградцы вскоре это почувствовали: пайки хлеба стали постепенно возрастать — сначала по 400, а потом и по 600 граммов.

Ивану Костыгову часто приходилось бывать на фронтах, куда поступала новая техника, проводить обучение военнослужащих. За период блокады были сформированы 1-я, 2-я, 5-я и 6-я бригады, а это — 49 дивизионов реактивных установок, которым народ дал название «Катюша». Вот из-за них-то больше всего и приходилось бывать на боевых позициях.

На полигоне капитан Костыгов прослужил до 1949 года, неоднократно выезжал в войска, где успешно применялось испытанное им вооружение. Он награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги».

(Костыгов И. Т.)

28 июня 1941 года меня зачислили в 8-ю пулеметную роту. Обучение шло в поселках Торово, Пулово-Борисово, в Доме обороны на улице Ленина (г. Череповец).

Немцы рвались на восток с целью захватить Волхов, Тихвин, овладеть железными дорогами, ведущими на Москву и Мурманск, чтобы окружить столицу с северо-востока. На пути врага встала 54-я армия Волховского фронта. Госкомитет обороны принял решение снять с учебы всех курсантов Архангельского военного округа. В начале ноября 1941 года нас направили в г. Молотовск (ныне Северодвинск), где формировали 33-ю отдельную стрелковую курсантскую бригаду. Провели полевое тактическое учение и направили на Волховский фронт. Приехали в Волхов, уже освобожденный от немцев, и влились в 54-ю армию, прошли несколько километров пешком и вступили в бой.

Особенно запомнился бой за станцию Погостье, от которой осталось одно название. До нас станция несколько раз переходила из рук в руки. Земля, а точнее снег с обеих сторон был устлан трупами — наших солдат и вражеских.

Потом вели наступательные бои в треугольнике станций Волхов — Мга — Кириши, неся большие потери. Склады боеприпасов, продовольствия, медсанбаты отстали из-за бездорожья. Дорога — в руках немцев. Стояла задача — любой ценой овладеть ею. Немцы поливали нас шквалом свинца из всех видов оружия. Битва шла буквально за каждый метр.

30 марта я был ранен в голову, сколько времени был без сознания — не помню. Когда очнулся, обнаружил, что голова забинтована. Мои ребята из пулеметного расчета трижды, по одному, выходили из боя и пытались тащить меня за собой (санитаров не было).

(Озеров Э. С.)

«Вся деревня помогала нам выжить!»

*В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали,
И только в сорок пятом -
Паспорта.
И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...
(Ю. Воронов)*

В 1944 году наш детский сад через Ладогу вывезли в 139-й детский дом. Перевозили ночью. Помню: открываю глаза и вижу в небе много-много звездочек. (Бородавко Т. К.)

О снятии блокады я узнала по пути на работу. В городе была полная светомаскировка, а 27 января 1944 г. небо Ленинграда озарил салют из орудий. Люди плакали и смеялись. (Кузнецова А. М.)

Когда блокаду прорвали, нас вывезли на берег Онежского озера и переправили в Ивановскую область. Сначала мы жили на берегу, женщины из ближнего села приносили нам еду. Однажды одна сердобольная женщина забрала нас с бабушкой к себе. Так я оказалась в деревне Селиново, где окончила 7 классов, а затем и переехала в Мариинск Кемеровской области.

(Панфилова Г.Н.)

В конце войны была в круглосуточном детсаду, который находился в Осиновой роще в усадьбе Шуваловых в двухэтажном доме с колоннами и широкой красивой лестницей внутри. Со стороны великолепного парка у дома было небольшое озеро, где росли лилии и кувшинки, к которому можно было спуститься по мраморным ступенькам.

Во время прогулок по парку нам давали задание (в зависимости от времени года) собирать щавель, ягоды, грибы. Все собранное приносили и сдавали на кухню. Помню, что с щавелем было и первое и второе. Нам хотелось есть, поэтому мы пробовали любую зелень (ели почки, побеги сосны и елки, кислицу, щавель). Блокады уже не было, но с продуктами было плохо. Карточки отменили в 1948 году.

(Белобородова Р. В.)

В феврале 1942 года меня с бабушкой эвакуировали по Дороге жизни. Месяц мы пробирались до села Березовик Новгородской области. Вся деревня помогала нам выжить!

(Альхимович О.Д.)

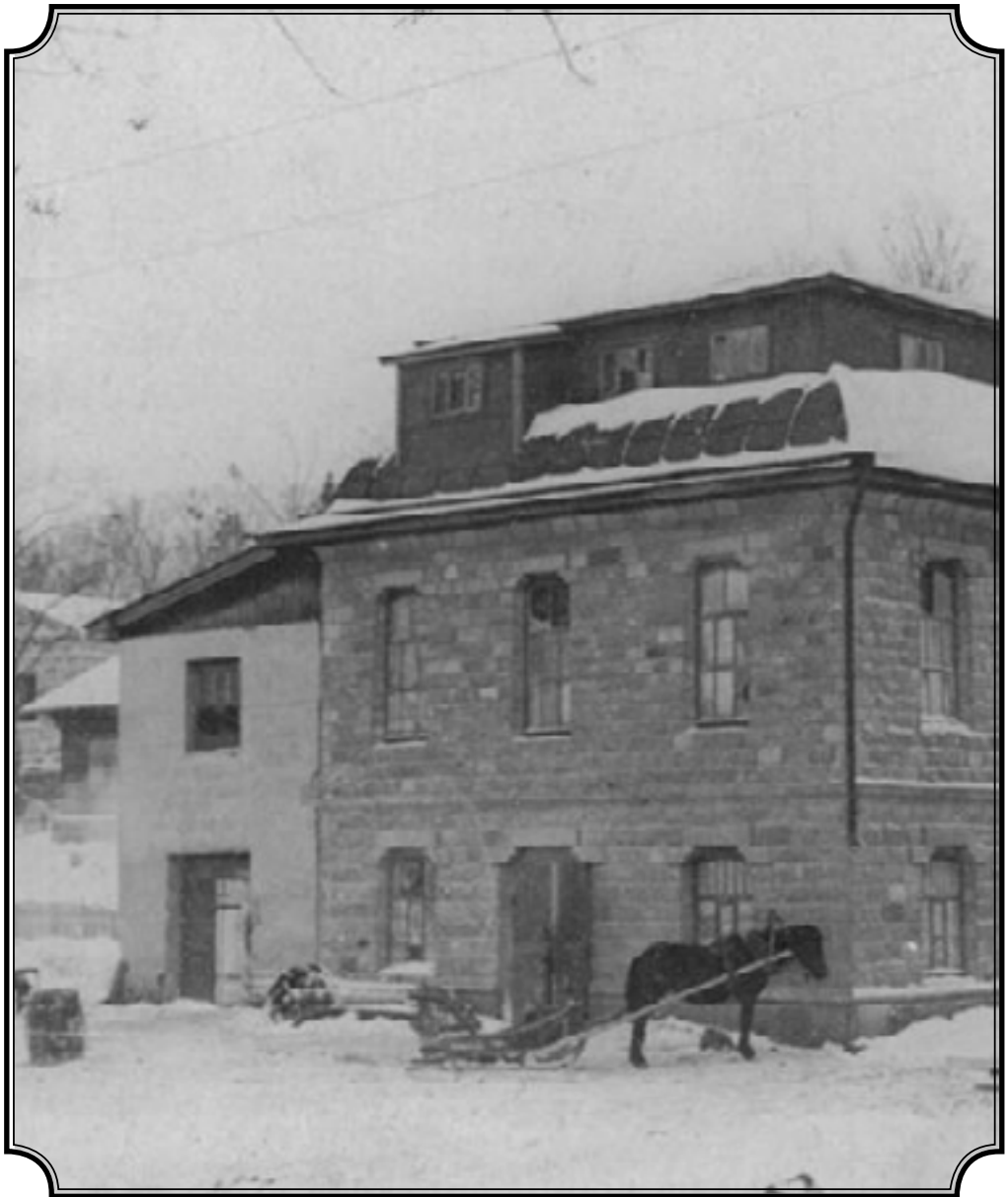

Вначале мы жили в доме у тети Шуры, и однажды я вскочил из-за стола во время обеда с криком: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Надо мной все засмеялись и показали мне на самовар, который вскипел и гудел, очень похоже на сигнал воздушной тревоги из репродуктора в нашей квартире в Кронштадте перед налетом немецкой авиации.

Однажды я вышел на улицу к соседнему дому через дорогу, где собралась группа деревенских ребят. И кто-то из ребят постарше решил надо мной подшутить и говорит мне: «Мы сейчас идем в Колкач есть пироги воложные (пышные, мягкие, со сметаной). Если хочешь пойти с нами, беги скорее домой и одевай оболочку.» Был какой-то религиозный праздник. Я прибежал домой и кричу с ленинградским выговором: «Дайте мне скорей абулочку: я пойду в Колкач пироги есть!» Долго не могли понять, что мне нужно, но потом догадались, что мне требуется верхнее пальтишко. Когда я вернулся на улицу, никого из ребят уже не было — это была шутка. Какие гости?! Колхозники сами жили впроголодь.

Через какое-то время тетя Шура, старшая сестра матери, сказала ей: «Ты бы сходила хоть за ягодами». Мать заплакала и сказала ей, что она не видит ягод. От дистрофии у нее развилась куриная слепота.

Впоследствии нас поселили в дом колхозницы, у которой была свободна зимняя половина избы — зимовка. Кроме нас в деревне жили еще три семьи эвакуированных. Из-за трудности произношения этого слова деревенские жители называли нас «оковырянные».

В колхозе от старости и тяжелой работы околела лошадь, и ее отвезли на свалку. Мать узнала об этом и спросила у председателя колхоза — мужа своей сестры, нельзя ли ей брать мясо этой лошади. «Смотри, как хочешь», — сказал он. И мать стала отрезать мясо от этой лошади и варить нам еду. Она говорила позднее, что ей казалось, что только после этого мы пошли на поправку. (...) Девушкам-невестам не за кого было выходить замуж: из мужского пола остались в деревнях только старики да подростки.

(Горшков В. В.)

Я была вся опухшая, и по приезде одежду, валенки просто-напросто разрезали, иначе нельзя было снять. Все время просила кушать, а много нельзя было давать, просто кормили понемножку. Дом наш в Ленинграде разбомбили почти сразу после отъезда. Вблизи был полигон, где проводились испытания. Рядом на станции Ржевка было много составов со снарядами. Все это однажды взлетело на воздух, так что колеса от вагонов разметало на 300 м, а на месте вагонов образовались озера.

Мама рассказывала, что о смерти как-то не думали, а была одна мечта хлеба поесть досыта. Мы с мамой возвратились в Ленинград в августе 1944 года. В ноябре 1945 г родилась сестренка Таня. Я ездила на трамвае на Пороховые за детским питанием для нее. Давали в кружечку жиденькую манную кашу. Хотелось кушать, и очень нелегко было удержаться от соблазна. Был случай, когда, отстояв в очереди, получила по карточкам растительное масло, а на выходе из магазина бутылка выскользнула из рук и разбилась. Очень

испугалась, так как прекрасно понимала, что произошло, и запомнила тот случай на всю жизнь. Пережив в малолетнем возрасте блокадный голод, помню, что всегда хотелось есть. На всю жизнь осталось святое отношение к хлебу и память обо всем пережитом нашей семьей в годы войны.

(Еремина Э. И.)

Ниночка все же умерла в октябре в возрасте 3-х лет, а я вот с Божьей помощью осталась жить, хотя мама поехала в деревню к своей маме, а в поезде заразилась тифом и, приехав, сразу слегла. Месяц была в больнице. Бабушка моя меня отпоила козьим молоком. Сначала просила у соседней понемножку. Меня, блокадницу, пожалели и давали. Ходить я стала только в 3 года. Мама говорила, что у меня в желудке ничего не задерживалось, надо было отвар крупы какой-то пить, а крупы не было. И опять военкомат помог. Мама сидела там долго и ей все-таки 200 г крупы дали, уж не знаю какой. Вот они отваривали чуть-чуть крупы, и отвар давали мне. Так постепенно заработал мой желудок.

(Ефимкова Э. Д.)

Немецкая аэросъемка Череповца военных лет

Череповец. Первый мирный город на пути

*Кто был в окопах, те — герои,
Остановившие фашизм,
Но тыл решительным настроен
Не меньший выдал героизм.
(Б. Поляков)*

К началу лета 1941 года в Череповце проживало чуть больше 30 000 человек, работали небольшие промышленные и перерабатывающие предприятия. В городе был только гужевой транспорт, а воду набирали из уличных колонок. Важным преимуществом города было то, что в Череповце пересекались речное и железнодорожное сообщение.

С началом войны городу была поставлена задача по принятию и размещению эвакуированных людей и материальных ценностей из прифронтовой полосы.

10 июля 1941 года начал работу эвакуопункт. Просуществовал он по июль 1943 г.

Череповец был первым мирным городом на пути эвакуирующихся ленинградцев. 1500 (!) эшелонов принял Череповец из Ленинграда и Карело-Финской республики. Всего за время Великой Отечественной войны эвакуопункт маленького вологодского города обслужил 2,5 (!) млн. человек — цифра, сравнимая с населением всего предвоенного Ленинграда!

Огромное количество прибывавших эвакуированных необходимо было просто разместить, оформить, распределить по степени здоровья... Очевидцы вспоминают, что порою вся привокзальная площадь Череповца была занята лежащими людьми, ожидавшими своей дальнейшей судьбы.

В сорока череповецких госпиталях прошли лечение раненные на фронтах и ослабевшие эвакуированные. Из них 1 157 000 эвакуированных в Череповец составляли ленинградцы — практически половина населения Северной столицы. Смертность среди блокадников была особенно велика. Свыше 300 000 блокадников непокоренного Ленинграда, умерших от истощения и болезней, похоронено в братских могилах на 1-м городском кладбище.

Словом, небольшой Череповец с 30-тысячным населением снабжал фронт продуктами, вооружением, обмундированием, принимал миллионный поток эвакуированных людей, принимал потоки увезенных материальных ценностей, лечил раненых с фронта. И всё это давалось черепанам ценой огромного напряжения физических и моральных сил. Работали все, без скидок на возраст и состояние здоровья.

Череповец времен Великой Отечественной

«Ночью пришел на череповецкий вокзал разбомбленный состав...»

Мы работали порой без сна и отдыха. По четыре часа давали поспать — и всё. Нам постоянно напоминали — вы тоже на фронте.

(Авдеев В.И.)

Помню, был такой случай. В ночную смену пришел на Череповецкий вокзал разбомбленный состав, в котором везли на Ленинградский фронт лошадей. Я пришла его списывать, а в каждом вагоне вперемешку с трупами и внутренностями животных были и человеческие тела. Мне сделалось так страшно, что со слезами прибежала к начальнику и сказала, что больше не могу работать. Он дал мне помощницу, мы собрались с духом и сделали свое дело.

(Ахутина В. М.)

Мы с сестрой эвакуировались в феврале 1942 года. В Череповце меня отправили в детприемник на улице Социалистической. Здесь мы получили тепло, заботу, нам помогли восстановить силы.

(Степанова Л.И.)

Мы с мамой и сестрой Зиной были вывезены в феврале 1942 года в Череповец. Здесь нас определили в госпиталь, а уже оттуда родственники забрали в деревню

(Ильичев В.В.)

...Мы поселились в Заречье. Здесь я пошел в 5 класс, но доучился до марта 1943 года и бросил школу. Пошел работать, так как матери одной было тяжело тянуть всю семью. Здесь была мастерская, где катали валенки. Сначала я был учеником, а потом стал работать самостоятельно. Шерсть для валенок покупали в Весьегонске. Ходили туда пешком — по 30 км. Сестренки учились в школе. Хлеба не было, давали зерно, которое мама молола на жерновах, и пекла хлеб сама. Я принимал заказы, работал и в мастерской и дома. А что зарабатывал, мы все тратили на еду. Замерзшую картошку не выбрасывали, а пекли из нее лепешки.

После того, как я стал работать, семье стало полегче жить. Свободного времени у меня не было. За смену я должен был сделать две пары валенок. Валенки сушили в печках. Мои ровесники тоже работали. Одежды не было, мне перешили отцовский костюм, в нем я и ходил до армии. Чтобы как-то выжить, промышляли кто чем: плели лапти, делали деревянные подошвы.

(Назарков П. А.)

Приехали наконец в Череповец к маминой сестре Марии Федоровне. Она жила с семьей на ул. Труда, дом 18. Пока мама с сестрой целовались, я навернул полчугуна овсяной каши. Мама схватила меня на руки и оттащила в Лесомеханический техникум (там был госпиталь), меня опять привели в чувство.

Однажды старший двоюродный брат Александр, сын тети Маши, привел меня в парикмахерскую на углу ул. Труда и Карла Либкнехта, с правой стороны, если идти в сторону вокзала. Там была очередь, но девушка-мастер увидела меня и говорит: «Дедушка, проходите без очереди». На это брат ей ответил: «Ленка, этот дедушка на четыре года моложе тебя». Вот так я выглядел в девять лет.

(Пиков Е. К.)

К началу войны мне было всего 3 года...

Запомнилось то, что из Ленинграда до Череповца мы ехали целых 3 месяца. Долго стояли на станциях, из-за бомбежек. Немного подкармливали военные. А так кушать было почти совсем нечего... Бомбили соседние поезда. Наш вагон уцелел...

Ехали в товарных вагонах. Не было в них ничего, кроме буржуйки, только немного соломы на полу. Людей умирало по дороге очень много. На каждой остановке выносили умерших.

Мама привезла нас к дедушке, своему отцу, в Шекснинский район, в деревню Шеломово. У него были куры, овцы, выращивал картошку, капусту, так и прожили потихоньку.

(Ткачева А. П.)

Дед и родственницы А. П. Ткачевой, приютившие семью эвакуированной

Неустршимый дух народов

История блокадного Ленинграда 1941-1944 годов потрясла мир. Жизнь в блокадном городе без еды, без воды, в холоде без топлива, с постоянными бомбёжками фашистов — 871 день ленинградцы совершали подвиг силы духа.

Народы всего мира были поражены, восхищены мужеством и стойкостью жителей и защитников Ленинграда. Объяснение героическому поведению могло быть только одним: русские обладают такой силой духа, перед которой отступают любые препятствия...

Высшим проявлением восхищения мирового сообщества стало вручение грамоты Ленинграду Президентом США Франклином Д. Рузвельтом.

Торжественное вручение грамот американским послом В.А. Гарриманом

Грамота Ленинграду

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и, несмотря на постоянный бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

Франклин Д. Рузвельт
17 мая 1944 года Вашингтон

«Мы хотим, чтобы дети и внуки об этом помнили»

*Опять война, Опять блокада,
— А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда: «Не надо,
Не надо раны беречь...
...Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.
Ю. Воронов.*

Блокада Ленинграда — это вечный след в истории России. События блокады показали, как велик дух нашего народа. В эти девятьсот дней и ночей голод, холод, смерть стояли за плечами ленинградцев. Но люди боролись, приближали своим мужеством долгожданную Победу. Живя в мирное время, мы должны помнить о горьких днях блокады, а подвиг ленинградцев должен стать для нас примером доблести, любви к Родине.

Червенчук Алексей, 6 «Б»,
МАОУ «Общеобразовательный лицей «АМТЭК»

Впервые я услышал об истории блокадного Ленинграда в начальной школе. Нам рассказывали о дневнике Тани Савичевой. Когда мы читали её записи, на глаза наворачивались слёзы. Потом были книги, документальные фильмы о блокаде Ленинграда и, конечно же, встречи с ветеранами. Я узнал об ужасах блокады, понял характер блокадников. Страшные

события не разрушили их внутренний мир, а закалили, облагородили. Я считаю, что для современных школьников важна тема блокадного Ленинграда. Мои сверстники перестают ценить великий дар — жизнь. Если бы дети чаще обращались к истории, осознавали бы, с каким ужасом столкнулись их ровесники в военное время, но не ожесточились, а сплотились и выстояли, то в нашей жизни стало бы меньше зла и несправедливости.

Пронин Сергей, 6 «Б»,
МАОУ «Общеобразовательный лицей «АМТЭК»

С сентября 1941 года по январь 1944 года находился в блокадном кольце Ленинград. Постоянные бомбёжки, морозные зимы, отсутствие продовольствия — страшные испытания выпали на долю ленинградцев. Но город жил, боролся, а люди оставались людьми... Блокада учит нас многому. Учит радоваться каждому дню, солнышку и чистому небу над головой. Учит ценить мир и человеческую жизнь.

Чебоксаров Демьян, 6 «А»,
МАОУ «Общеобразовательный лицей «АМТЭК»

Великая Отечественная война... Сколько боли, горя и потерь в этих словах! Люди гибли, воюя на фронте и приближая победу в тылу. Война принесла слезы, тяготы и лишения всем жителям Советского Союза. Но люди доблестно защищали Родину, не сдавались врагу. Одним из самых ярких примеров мужества является подвиг ленинградцев. Воспоминания о блокаде тех людей, чье детство связано с этими событиями, открывают перед нами страшную картину: на теле города нет ни одного живого места, жуткие холода, голод и болезни

не дают покоя жителям Ленинграда, силы на исходе. Больше всего в этой ситуации, конечно же, страдали дети. От самых маленьких, которым нельзя объяснить, почему гудит сирена и зачем нужно прятаться в бомбоубежище, до ребят сознательного возраста, которые наравне со взрослыми ковали победу в тылу. Горька, но точна поговорка: «На войне детей не бывает». Мужество детей блокады трудно описать словами. Это невозможно, потому что каждый, кто пережил тяготы блокадной жизни, достоин вечной памяти. О них не нужно вспоминать только по праздникам и юбилейным датам, но мы должны хранить память о героическом подвиге ленинградцев в своем сердце. Ведь если мы забудем о доблести наших предков, будем ли мы достойны того, чтобы потомки помнили нас?

Коленова Мария, 6 «В»,
МАОУ «Общеобразовательный лицей «АМТЭК»

Дети блокады
Их теперь совсем немного –
Тех, кто пережил блокаду,
Кто у самого порога
Побывал к земному аду.
Были это дети просто,
Лишь мечтавшие о хлебе,
Дети маленького роста,
А душой почти на небе.
Каждый час грозил им смертью,
Каждый день был в сотню лет,
И за это лихолетье
Им положен Целый Свет.
Целый Свет всего, что можно,
И всего, чего нельзя.
Только будем осторожней –
Не расплещем память зря.
Память у людей конечна –
Так устроен человек,
Но ТАКОЕ надо вечно
Не забыть. Из века в век!
(Л. Заозерский)

Они пережили блокаду

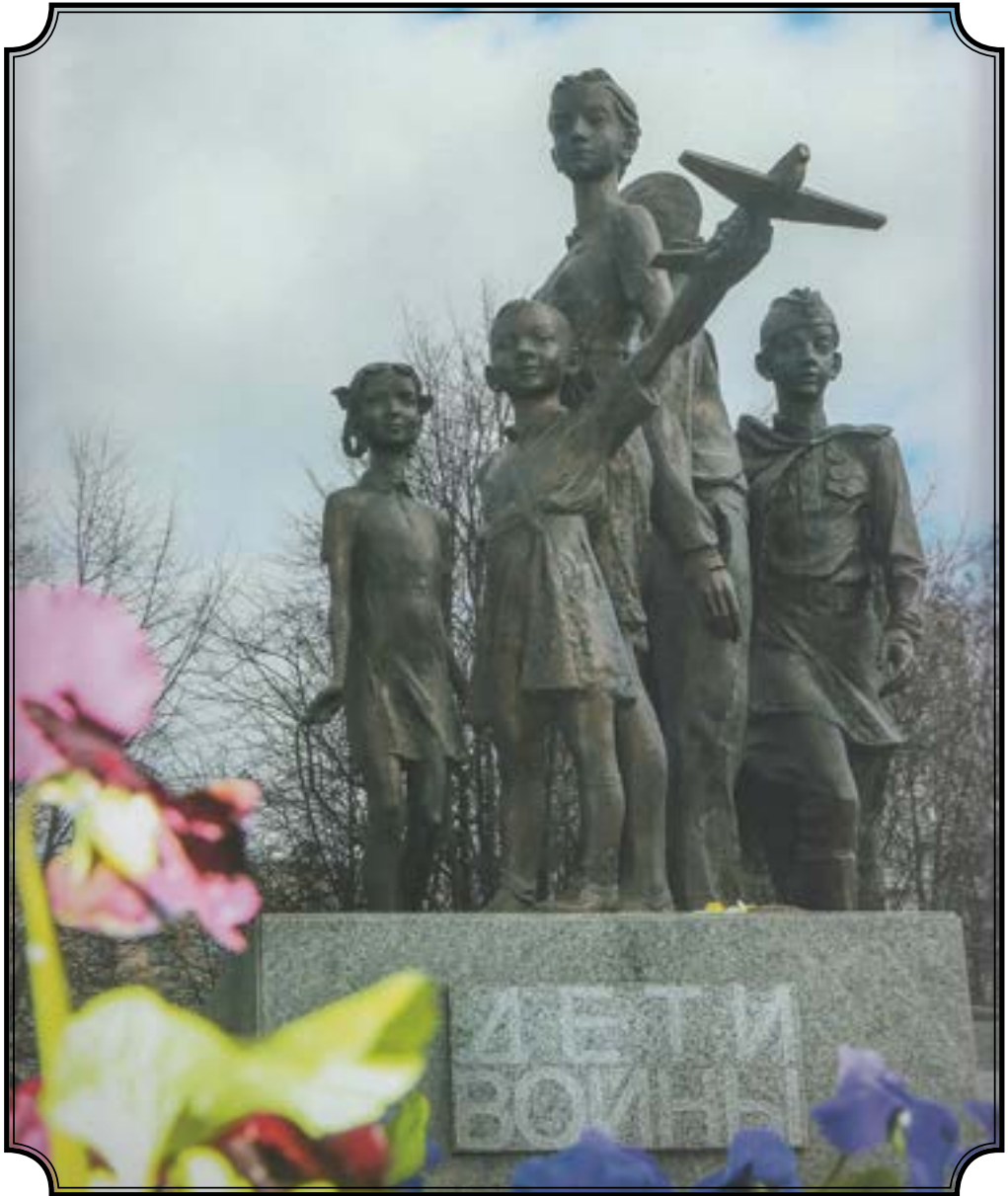

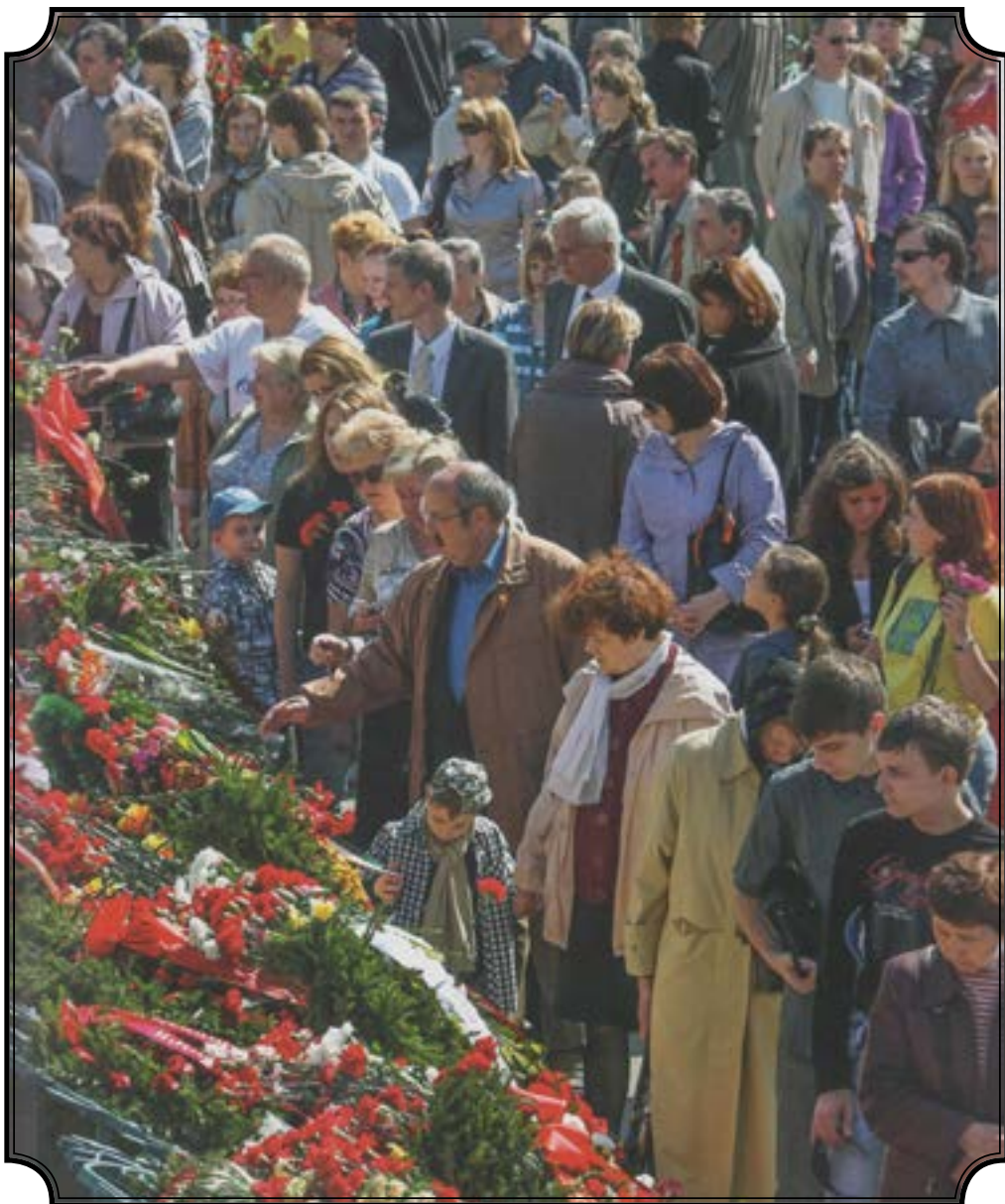

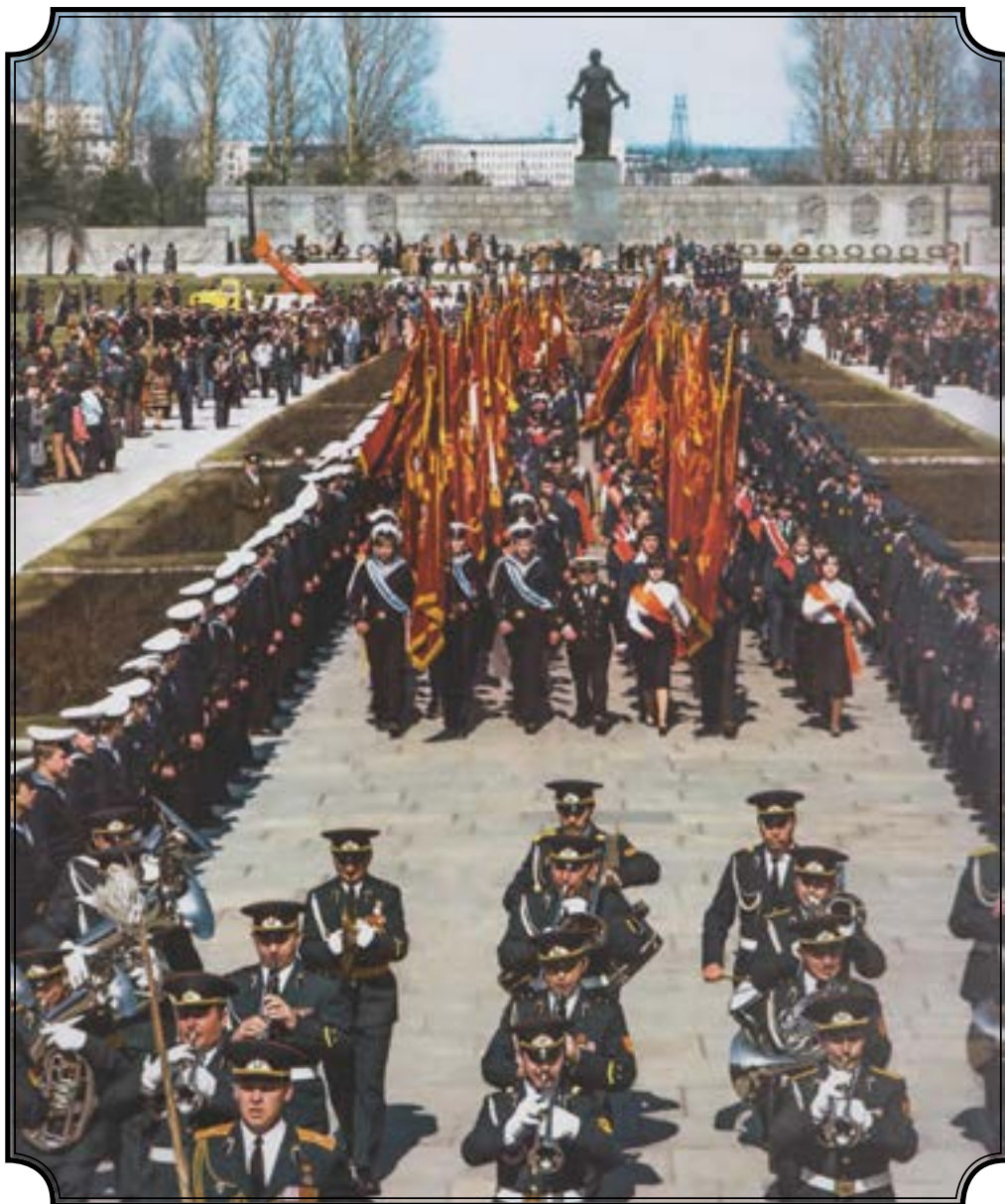

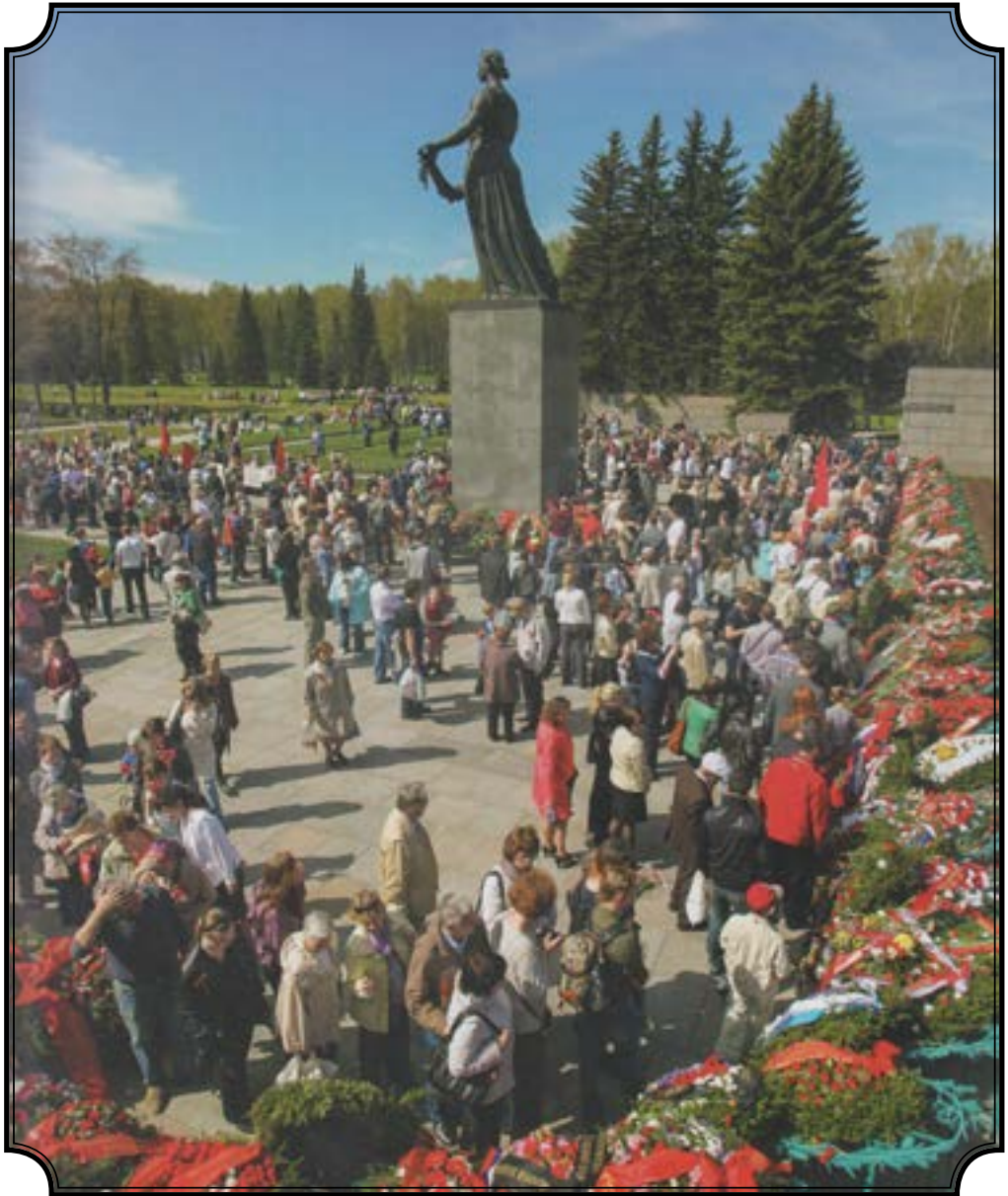

Содержание

Ленинград. Город, не вставший на колени.....	12
«Мы, дети, не представляли, что такое война...».....	15
«По звуку мы различали, чей самолет летит...».....	22
«Я был вшивый дистрофик...»	30
«Мамочка, принесла хлебушка?...».....	42
«Я дежурила по ночам в госпитале, а утром шла на работу...»...59	
«Каждый день умирали люди...».....	82
«Люди не делили детей на своих и чужих...».....	90
«Мамы наши шли пешком по льду за машинами ...».....	95
«Немцы поливали нас шквалом свинца...».....	116
«Вся деревня помогала нам выжить!».....	122
Череповец. Первый мирный город на пути.....	129
«Ночью пришел на череповецкий вокзал разбомбленный состав...».....	131
Неустршимый дух народов.....	136
«Мы хотим, чтобы дети и внуки об этом помнили».....	139
Они пережили блокаду.....	144

«Пока мы помним — мы живем...»
Историко-документальное издание

Проект реализуется при поддержке Правительства Вологодской области

Составление: А.С. Рогачева, Е.В. Рогачева, З.Н. Николаева
Редактор: З.В. Лукичева
Бильд-редактор: З.Н. Николаева
Художественный редактор: Д.В. Версионова

Сдано в набор 12. 06.2018
Подписано в печать 26.11.2018
Гарнитура Helios Light, печать офсетная, бумага мелованная глянцевая

ISBN 978-5-6042107-2-7

ООО Издательский Дом «Порт-Апрель»,
162604, г. Череповец, ул. Заречная, 2.
(8202) 49-02-40
e-mail: chiefport-aprel@mail.ru
https://vk.com/id_portaprel